

ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВ

Урал-
БАТЮШКА

Каменный Пояс
Хозяин каменных гор

Урал-батюшка

Евгений Федоров

**Каменный Пояс. Книга 3.
Хозяин каменных гор. Том 1**

«ВЕЧЕ»

1951

Федоров Е. А.

Каменный Пояс. Книга 3. Хозяин каменных гор. Том 1 /
Е. А. Федоров — «ВЕЧЕ», 1951 — (Урал-батюшка)

ISBN 978-5-4484-7580-1

«Каменный Пояс» – эпическое полотно, охватывающее период русской истории от конца XVII века до 70-х годов XIX века. И хотя стержнем повествования служит судьба рода уральских горнозаводчиков Демидовых – от сметливого кузнеца Никиты, зачинателя «дела», до немощного, развращенного роскошью Анатолия, князя Сан-Донато, завершившего родословную, – главным героем трилогии является талантливый, трудолюбивый русский народ, терпеливый и мятежный. Автор создал целую галерею запоминающихся образов мастеровых людей, зримо предстают и Демидовы, жестокие, властолюбивые, гордые своей силой и властью над человеком. Роман «Хозяин каменных гор» завершает трилогию. Описываемые события происходят в конце XVIII – второй половине XIX века в России и за границей.

ISBN 978-5-4484-7580-1

© Федоров Е. А., 1951

© ВЕЧЕ, 1951

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	27
Глава четвертая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Евгений Александрович Федоров
Каменный Пояс
Книга 3
Хозяин каменных гор
Том 1

© Федоров Е.А., наследники, 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Часть первая

Глава первая

1

Никита Акинфиевич Демидов – могущественный владетель Нижнетагильского, Каштымского, Кяслинского и многих других уральских заводов – находился в зените своей славы и богатства. Царствующая императрица Екатерина Алексеевна не оставляла заводчика своим вниманием. Обладая несметными богатствами и недюжинным умом, уральский магнат играл роль просвещенного вельможи. Подражая своей покровительнице государыне, он вел переписку с французским философом-энциклопедистом Вольтером на вольнолюбивые темы.

В этот памятный теплый летний день Никита Акинфиевич, грузно развалившись в кресле на широкой террасе своего нижнетагильского дворца, писал очередное письмо пребывающему в изгнании фернейскому мудрецу. С террасы открывался безбрежный зеркальный пруд с островками, покрытыми яркой зеленью тенистых дубрав, приятных освежающей прохладой. Леса, просторы, гребни Уральских гор – все вдаль покрывала легкая сиреневая дымка. На лоне светлых вод под жарким полуденным солнцем плавал большой сверкающий снежной белизной лебедь. Где-то на островке неожиданно раздался выстрел. Встревоженный лебедь приподнялся над водой и замахал широкими серебряными крыльями. Среди брызг пены он шумно, на весь пруд, как мифический Пегас, быстро-быстро побежал по воде, наконец поднялся, сделал плавный круг и потянул вдаль, роняя звонкие клики. Он поднимался все выше и выше и, как чудесное видение, вскоре растаял на фоне пухлого облака. А над прудом все еще звенели, угасая, его стонущие крики.

«Эх, подлецы, напугали птицу!» – недовольно поморщился Никита Акинфиевич и прислушался к заводским глухим звукам.

От пруда веяло живительной прохладой, над просторами вод, поблескивая крылышками, летали стремительные стрекозы. День был напоен солнцем. Поблизости, на садовой дорожке, дрались неугомонные воробьи. На дубовом паркетном полу колебались ажурные тени, падающие от густого хмеля, укрывшего террасу. Без парика, но в атласном голубом камзоле, сидящий Демидов склонился над письмом.

«Просвещеннейший учитель, – медленно, с тяжелой одышкой писал он, – все дни мои занимают мысли о человеческом достоинстве и свободе человеческой личности. Из священных писаний и токмо из отеческих преданий поведано, что человек создан по образу и подобию божьему. Не токмо великие вельможи, но и крепостной раб имеет равную душу, и потому...»

Никита Акинфиевич вздрогнул: кто-то осторожно позади кашлянул и обеспокоил хозяйина. Заводчик отложил перо и взволнованно оглянулся. У двери стоял приказчик Селезень. Он давно уже тихо пробрался на террасу и, стоя за креслом хозяина, зорко следил за каждым его движением. В пронзительных мрачных глазах приказчика была тревога. Когда-то бравый Селезень, проворный и видный молодец с цыганским лицом, теперь подсох, ссутулился, поседел. В этом былом красавце угасало все, но с годами он стал еще злее и рачительнее к демидовскому добру.

– Ты что? – встревоженно взглянул на приказчика Никита Акинфиевич. – Что тебе надобно?

Селезень переминался, поскрипывая сапогами, не решаясь что-то сказать хозяину.

– Говори, холоп, чтостряслось? – грозно насутился Демидов.

– Плавку передержал мастерко Иванко, все порушилось, – сдержанно вымолвил Селезень.

– Черт! – вспыхнул и налился багровостью хозяин. – Что же он думал, пес? Наше добро переводить осмелился, лукавый!..

Тяжелой поступью Демидов прошелся по паркету. Дышал он прерывисто, с посвистом. Лицо стало сизым от прилива крови, по жилам так и расходилась злость. Никита Акинфиевич не сдержался, поднял большие кулаки и, наступая на приказчика, зарычал:

– Забить подлого за такое дело! Забить! Положить на горячую плиту и хлестать плетями. Пусть знают холопы, как надо беречь хозяйское добро!

Он хрипел, отдувался, каждая жилка в его большом дряблом теле трепетала от раздражения. Почувяв сильную грозу, Селезень учтиво поклонился и, скрываясь за дверью, выкрикнул:

– Постараюсь, хозяин!

Приказчик исчез так же быстро и неслышно, как и появился.

Демидов знал, что приказ его выполнят точно и безжалостно, но мысль об этом не принесла успокоения. Еще с утра его томила тяжелая тоска, кружилась голова и что-то давило на темя, покрытое реденькими седыми волосами. Раздражительность все больше овладевала им. Шаркая ногами, он утомленно заходил по террасе. Серые мешки под его глазами набухли, прорезались сетью глубоких морщин. Он смотрел на серебристый пруд и огорченно думал:

«Ох, горе! Как быстротечна жизнь, словно талые воды! Красота и та меркнет от неумолимого времени! Неужели пришла старость?»

Цепкими сухими пальцами он схватился за балясины перил и жадно задышал свежим прудовым воздухом. Однако ни свежесть, ни сияние радостного летнего дня не могли успокоить дряхлеющего тела. Все продолжало клокотать в нем. Никита Акинфиевич пытался овладеть собой, но не смог погасить вредного волнения.

Сколько прошло времени, он не помнил. Ему казалось, пролетела вечность. Напряжение, которое держало его тело и мозг, достигло невероятной силы. Он возбужденно поглядывал на дверь, прислушивался к звукам на дворе, но кругом было тихо.

«Что же так долго не слышно крика? Почему не возвращается Селезень?» – обеспокоенно подумал Демидов.

Тусклые глаза его скользнули вдоль аллеи, убегавшей от террасы в глубину сада. Окаймленная цветущей сиренью, она манила прогуляться. Укрытые пышными душистыми гроздьями цветов кусты казались лиловыми.

Старый, густолиственный, совершенно запущенный сад с тенистыми дорожками, с дремучими зарослями одичавшего кустарника, сколько грустных воспоминаний навеивает он сейчас! Вот прямо от ступенек террасы круглый бассейн, наполовину покрытый зеленой ряской. Подле воды, на низком гранитном пьедестале, белеет нестареющая статуя козлоногого сатира. Сколько в нем дикости, силы и страстности! Он стоит, скрестив на косматой, с выдающимися ключицами груди худые руки. Большой жадный рот с толстыми чувственными губами искривлен от желаний, а выпуклые, навывкате глаза нагло и дерзко смеются.

Да, когда-то в этом парке проходила иная жизнь, и тогда он, Демидов, был молодой и сильный. А сейчас он очень походил на покойного дядюшку Никиту Никитича! Тот же злой, волчий взгляд, высокомерная брезгливость к окружающим и такая же прорва жестокости.

Никита Акинфиевич, опираясь на суковатую палку, спустился к бассейну. Повеяло прохладой, легкий ветерок рябил тихую воду, и в ней, в зеленой глубине, сверкало отражение сатира. Оно слегка покачивалось на воде, и Демидову казалось, что живот и грудь козлоногого дрожали от беззвучного смеха. Никите стало не по себе, и он обеспокоенно оглянулся на статую.

«Но что же так долго не идет Селезень?» – недовольно нахмурился он и нетерпеливо захлопал в ладоши.

– Эй, кто там есть, холопы! – пробасил он хриплым голосом, и глухой рокот покатился к хоромам.

По его зову на веранде вновь появился приказчик. Избегая встретиться взглядом с Никитой Акинфиевичем, он смущенно потупился, молчал.

– Ну? – строго спросил Демидов. – Отхлестали? Молчком, что ли, отошел в лоно Авраамово?

Селезень поднял на хозяина потемневшие глаза.

– Сбег! – коротко сказал он.

– Как сбег? – выпучил глаза от изумления Никита Акинфиевич. – Не может быть! – Он крепко сжал толстую палку и пошел на приказчика. Лицо хозяина искривилось от злобы, толстые багровые щеки, похожие на окорока, тряслись.

– Побойтесь бога, Никита Акинфиевич! – покорно взмолился Селезень. – Да нешто я виноват в сем деле?

Взор Демидова внезапно упал на мраморного циника, руки которого по-прежнему были скрещены на груди сильным движением, а губы кривились от наглости и презрения. Демидов повернулся к бассейну, и на его колеблющейся поверхности он увидел, как могучее тело сатира – его худые выдающиеся ребра и тощие бока – дрожало от злорадного хохота. Никита взбежился, размашистым сильным движением бросился к статуе, опрокинул ее на землю и стал колотить палкой.

Голова сатира, упавшего на каменный край водоема, с дребезгом откатилась к ногам обезумевшего заводчика. Белыми искрами сыпались куски мрамора в зеленую глубину пруда и на платье Никиты.

– Над кем смеешься? Над кем? – в ярости кричал Демидов, и вдруг внезапная страшная судорога прошла по лицу. Он странно обмяк, бессильно выпустил палку и, словно подкошенный невидимой силой, упал на обломки и протяжно простонал:

– А-а-а...

– Батюшки, да что же это такое? – в отчаянии вскрикнул приказчик и бросился к Демидову. Лицо хозяина стало белее полотна, расширенные зрачки застыли, на дряблых слюнявых губах пузырилась пена.

– Люди, с хозяином худо! – вбежав на террасу, на все хоромы истошно закричал перепуганный приказчик. Он быстро вернулся и обнял Никиту Акинфиевича за плечи. – Батюшка, что с вами? Очнитесь! – упрашивал он Демидова. А тот, упав лицом на холодный изуродованный мрамор, хрипел.

На испуганный крик приказчика отозвались многочисленные голоса: со всех концов дворца сбегалась дворня. Толкаясь, дворовые спешили выбраться на террасу. Прибежал с лейкой в руке старичок садовник, за ним приковылял домашний лекарь – сухонький, тщедушный немчик Карл Карлович. Поблескивая большими, сползающими на красноватый нос очками, он суетливо растолкал дворню и схватил хозяина за обвислую руку.

– Это есть апоплектична удар! – с ученой важностью вымолвил лекарь. – Надо живо в постель!

Еще больше огрузневшего Никиту с натугой отволокли в просторный светлый кабинет и положили на широкий ковровый диван. Селезень проворно разоблачил Демидова. Набежавшая дворня, толпясь, с любопытством молчаливо рассматривала поверженного внезапной хворостью заводчика. Их волновали и страх и радость. Могучий и грозный хозяин, который держал в своих руках огромные владения и заставлял трепетать вокруг себя все живое, вдруг разом сражен и стал беспомощен. И оттого, что грозный нижнетагильский властелин так сей-

час беспомощен, радовалось сердце крепостных. Не одна пара глаз дворовых с плохо скрытой ненавистью смотрела на Демидова.

– Уйди прочь! Уйди сейчас! – суматошно замахал руками лекарь на дворню. – Нужна пускать кровь!

Он прокричал что-то черноглазой горничной девке, и та, мелькнув крепкими пятками, унеслась из кабинета. Селезень выгнал дворовых, закрыл за ними массивную дверь. Никита Акинфиевич лежал скрюченный и безмолвный. Приказчик пытливо посмотрел на лекаря.

«Неужто помрет хозяин?» – спросил его встревоженный взгляд.

– Он будет жить! – важно сказал Карл Карлович и стал засучивать рукава. – Мы будем открывать кровь...

Словно перед устрашающей бурей, во всем обширном доме установилась глубокая гнетущая тишина. Никита Акинфиевич незадолго до беды овдовел, дочь отвезли на воспитание в Санкт-Петербург к родственникам, и сейчас при отце оставался один сынок Николенька. Гувернантка, мисс Джесси, увела его в сад.

Лекарь пустил Демидову кровь. Густая, черная, она тяжелыми каплями с легким стуком падала в подставленный медный таз. Черноглазая горничная девка со страхом смотрела на стекающую кровь.

2

Три дня Никита Акинфиевич безмолвно лежал, отвернувшись к стене. Страшное оцепенение овладело не только его телом, но и душой: все вдруг стало безразличным. С назойливостью вспоминалось безнадежное изречение из книги пророчеств Экклезиаста: с та сует и всяческая суета!

Осторожно, тихо слуги вынесли из кабинета лишнюю мебель, и стало больше простора. По приказу лекаря закрыли ставни, в комнате сгустился полумрак, и всюду запахло сыростью, лекарствами и неприятным застоявшимся воздухом, обычным в плохо проветриваемых помещениях.

На четвертый день Демидов пришел в себя, вызвал приказчика Селезню и долго пытливо смотрел на него.

– Что, небось холопы думали, умру? – В глазах больного вспыхнули злорадные огоньки. – Погоди, я еще встану. Жить буду!

Говорил хозяин уверенно, спокойно, и приказчик твердо уверовал, что Никита Акинфиевич и в самом деле скоро поднимется со своего скорбного ложа.

– Покличь сына! – властно приказал Селезню Демидов.

– Mein Gott! – потрясая руками, огорченно вскричал лекарь. – Мой добрый господин, что вы делаете? Вам нужна абсолютна покой...

– Ты погоди, не лезь! – рассудительно остановил его хозяин. – Хватит, еще належусь. Наследника хочу зреть. Зови! – кивнул он приказчику.

В эту самую пору в большом зале за круглым столом сидела англичанка Джесси, а подле нее вертелся на стуле неугомонный сынок Демидова, Николенька. Крепкий, широкоплечий, с румянцем во всю щеку, пятнадцатилетний мальчуган нетерпеливо выслушивал нудные наставления гувернантки. Из его карих озорных глаз брызгал смех. Она сидела прямая и сухая, вытянувшись в струнку, с седеющими жиденькими волосиками, тщательно завитыми. Из-под рыжеватых бровей на Николеньку строго посматривали серые живые глаза в очках. Перед Джесси лежала раскрытая книга, но она не смотрела в нее, а все говорила и говорила, медленно, тягуче и так скучно, как скучно и надоедливо моросит осенний дождик.

– Ты очень взбалмошенный мальчишка! Ты нисколько не жалеешь отца! – укоряла она его. – Он очень болен, весьма болен. Это надо понимать!

Сухие губы мисс недовольно поморщились. Она вскинула на мальчугана серые глаза и продолжала свою бесконечную жвачку:

– Каждый человек всегда должен думать о своем здоровье. Я, когда немножко болен, иду к Карлу Карловичу, прошу узнать, что это такое. Он говорил мне надевать мою теплую шубку, шарф, платок, хорошую обувь, и тогда я шла на солнце. Я вот так сидела целый день. Смотри! – Она молитвенно сложила на плоской груди руки и жадно задышала. – Это очень, весьма полезно для здоровья...

– Трах! – вдруг хлопнул кулаком по столу Николенька. – Убил.

Мисс Джесси нервно вздрогнула, скривила тонкие губы.

– Ах, какая нечистота! – морщась, недовольно посмотрела она на озорника. – Так не может поступать благородный человек!

– Так это ж муха! Ха-ха, муха! – Молодой Демидов вскочил и запрыгал на паркете. Он кривлялся, размахивал руками, гримасничал, не замечая грустного выражения на лице оскорбленной мисс.

Косая полоска солнца упала в распахнутое окно дворца, золотой дорожкой протянулась по паркету и воспламенила густые кудреватые волосы озорника, его круглое курносое лицо и большие оттопыренные уши.

– Ха-ха, муха! – кричал неистово Николенька, когда на пороге чинно появился приказчик Селезень.

– Вас зовут, Николай Никитич, – почтительно сказал приказчик шалуну и хмуро посмотрел на гувернантку. «Опять небось великовозрастному детине морочит голову, а у него на уме, поди, другое!» – недовольно подумал он.

Веселый, потный и румяный Николенька ворвался в комнату Никиты Акинфиевича.

– Батюшка! – радостно кинулся он к отцу. – Батюшка, милый, вы все еще лежите, а на дворе-то как хорошо!

Щеки мальчугана пылали. Каждая жилочка, каждый мускул в его резвом здоровом теле жаждали движений, игры. Желтое поблекшее лицо Демидова озарилось доброй улыбкой.

– Все озорюешь, буян? – сказал он ласково.

– Ви будьде ошень осторожна: господин есть болен! – строго предупредил лекарь, сдерживая пыл демидовского наследника.

Нахмутив круглый загорелый лоб, Николенька осторожно уселся на краешек дивана. Он поджал полные длинные ноги и выжидательно смотрел на отца. Демидов залюбовался сыном. Стройный, крепкий, с выпуклыми темными глазами, он многим напоминал Никите Акинфиевичу деда – тульского кузнеца.

– Хорош! Демидовская кость! – не утерпел и похвалил сына больной. На мальчугане были надеты короткие бархатные штаны и камзолик коричневого цвета, плотно обтягивавший его крупное, слегка полное тело, на груди – белое кружевное жабо. «Настоящий барин, дворянин! – с одобрением подумал Никита, и чело его омрачилось: – Жаль, не дожила Александра Евтихивна до сих дней. Полюбовалась бы детищем!» Он вздохнул и, построжав, сказал сыну: – Видишь, немощен я стал. На сей раз по благодати Бога выберусь из беды, но курносая все же не за горами сторожит меня. По всему видать, отгулял я свое, а у тебя на уме только шалости. Помни, сын, ты мой единственный наследник и на тебя теперь все упования, не только мои, но и рода демидовского. Все, что не довелось завершить мне, сделаешь ты! Пора к делу ближе стать. Экий ты великовозрастный стал, прямо жених! – с искренним любованием вырвалось из уст старика.

Он многозначительно замолчал, собираясь с мыслями. Николенька между тем егзил на диване; его нежный сыновний порыв давно уже остыл: затхлый воздух комнаты, лекарственные запахи были ему не по душе и гасили его шальную радость. Он недовольно, слегка брезгливо морщил нос, стараясь почтительно смотреть в глаза отцу.

– Вы что-то хотели сказать, батюшка? – нетерпеливо напомнил он больному.

– Да, да, сказать! – перебирая сухими скрюченными пальцами по голубому атласному одеялу, сказал Демидов. – Селезень, ты здесь? – повысил он голос и властно посмотрел на приказчика, ожидающе вытянувшегося у двери.

– Здесь, Никита Акинфиевич, и слушаю вас, – негромко отозвался Селезень. – Вам быстро говорить вредно!

– Подойди сюда поближе да слушай, холопья душа! – сурово сказал Демидов. – Сына моего и наследника настала пора приучать к делу. Отыщи разумного мастера, пусть пройдет с ним все доселе известное в нашем искусстве. Искони Демидовы знали добычу руд, плавку их, изготовление железа. Пусть и он, Николай Никитич, до всего доходит сам. Пора! А мисс Джесси пусть с годок поживет у нас в имении... Все... А ты можешь идти! – обратился он к сыну и одними глазами улыбнулся.

Николенька вскочил и вихрем вырвался из кабинета. Скользя по навощенному паркету, он пронесся по залу и через широко распахнутые двери выбежал на куртину. Там, подняв голову, стояла англичанка и восхищенно любовалась пухлыми облаками, величественно-медленно плывущими по синему-синему небу. Завидя шумного питомца, она закатила под лоб глаза и томно вздохнула:

– Ах, Николенька, давай будем любоваться природой! Мы будем сейчас немного благо-разумны: вот хороший дорожка, и мы пойдем взад и вперед по ней и будем глубоко дышать и смотреть на облака и на вот эти цветочки и думать о чудесный божий дар – природа!

Молодой Демидов скорчил постную гримасу, отмахнулся.

– Ну вас, мисс Джесси! – Он взвизгнул и резвым жеребенком побежал вокруг куртины.

– Странно, очень странно! – глядя ему вслед, укоризненно сказала англичанка. – Я никак не предполагала, что ты не любишь природу. Ты совсем равнодушен ко всему этому!

– Люблю! Люблю! Не равнодушен! – закричал весело Николенька. – Только вы мне надо-ели!

Зоркими глазами Николенька заметил на плотине рыжую девчонку, разбежался, подпрыгнул и с визгом одним махом пронесся через клумбу и помчался по дороге к пруду. В минуту он почти настиг рыжую, но, заметив барчонка, стройная и проворная дворовая быстро вильнула и скрылась в тальнике. Молодой Демидов следом за ней вломился в зеленую чащу.

Мисс Джесси долго смотрела на колеблющиеся тонкие вершинки тальника, потом огорченно вздохнула:

– Боже мой, что только будет с ним! В мальчике говорит плебейская кровь. Фи, с какими людьми он ведет знакомство! – Она презрительно передернула худыми плечами и, горделиво вскинув голову, пошла к террасе.

3

Николенька нисколько не унывал оттого, что с отцом случился удар. Только теперь, в дни болезни Никиты Акинфиевича, он почувствовал истинную свободу. Его порывистый, страстный и необузданный характер не знал границ, только один строгий и крутой на руку отец мог сдержать его порывы. Сейчас эта преграда пала: батюшка второй месяц недвижим лежал у себя на диване.

Совсем недавно Карл Карлович разрешил открывать ставни, и голубой летний день, смотревший в окна кабинета, бодрил Демидова. Его слух привычно ловил знакомое ритмичное дыхание завода. Изредка в окно доносились крики дворовых, а среди них выделялся резкий буйный голосок сына, от которого у Никиты Акинфиевича теплело на душе. В эти часы душевного покоя он чувствовал, как в его огромное костистое тело вновь возвращается жизнь. И с постепенным приливом сил Демидов вспоминал давно минувшее: свою первую любовь –

золотоголовую горячую полячку Юльку, горемычную Катерину, итальянку Аннушку и горькую судьбу Андрейки.

«Все, все отошло, словно в туман уплыло! – грустно думал он. – Много бед и крови... Ох!» – тяжело вздыхал он, беспокойно ворочаясь на постели.

А в эти часы печальных отцовских раздумий сынок куролесил среди дворовых. Мисс Джесси оставалась в одиночестве и подолгу сидела у распахнутого окна своей горенки, в которой в давние годы томилась Юлька. Молодой Демидов бушевал в нижних хоробах. Однажды в послеобеденный час, когда грузно набившая утробы дворня вместе с приказчиком находилась в дремучем сне, Николенька прокрался к рыхлой, толстой стряпухе и густо вымазал ее лицо сажей. Только что пробудившийся от обуревавшего крепкого сна приказчик Селезень скричал подать квасу. Почесываясь, стряпуха вышла из каморки.

– Свят, свят, с нами Бог! – оторопело пятясь к двери, закрестился приказчик. – Анчутка! – заорал он.

На крик набежали дворовые и со страхом пялили глаза на стряпуху.

– Да вы сдурели, что ли? – сердито сверкая белками глаз, закричала она.

– Господи Боже, Твоя воля, никак, это голос Домахи? – все еще не веря своим глазам, ахали дворовые. Толстопятая горничная девка сбегала в барские покои и принесла серебряный поднос.

– На-кось, взгляни на себя! – предложила она, подставив под круглое лицо стряпухи зеркальный металлический лист.

– Ахти, худо мне! – взглянув, вскрикнула стряпуха и стыдливо закрыла лицо передником. Она бросилась к рамоу, мылась, терлась и вся кипела от нахлынувшего гнева. Через распахнутые окна кухни, в которой жаром дышала раскаленная печь, донеслись озорные крики молодого Демидова.

– Ах он, пакостник! Ах бесстыдник! – вскричала баба и кинулась во двор, где шумели чем-то встревоженные куры.

Там, среди площадки, вертелся Николенька с зажатым между коленями пестроперым петухом и щипал из него перья. Сильный и злой певун не поддавался озорнику. Хрипя, дергаясь, он вырвался из разбойничьих рук Николеньки и не струсил, не убежал, а взлетел на спину своему тирану и стал клевать его в затылок. Втягивая голову в плечи, стараясь смахнуть с себя злобную птицу, молодой Демидов побежал по двору. Но прославленный по всему заводу бесстрашный петух-забияка так вцепился острыми шпорами в бархатный камзолчик, и так сильно бил крыльями, и так упорно и больно продолжал долбить в спину, в плечи, в затылок, что Николеньке на самом деле стало страшно. Он не удержался и закричал на весь двор:

– Ка-ра-у-ул!

– Что? – ехидно ухмыльнулся в седую бороду Селезень. – Нашла коса на камень? Этот, братец, петух на весь петушиный народ разбойник! – Приказчик схватил метлу и бросился оборонять молодого Демидова.

Встрепанный, изрядно испарянный, но веселый, Николенька побежал по двору и залиvisto на ходу закукарекал.

– Это же непорядок, Николай Никитич, – степенно осудил задиру приказчик. – Петька победил, а вы оповещаете весь двор!

Но мальчуган не слышал увещаний старого приказчика: он уже мчался через площадь к слободским избам, напрашиваясь на новую потеху.

– Слава тебе господи! – облегченно вздохнула стряпуха. – Хоть часик-другой даст дворовым роздых!

Однако Николенька не добежал до слободы, свернул к пожарке. Там, у наполненных водою бочек, дремал худой, сутулый дед, босой, в теплом гречушнике. Подле него в тени лежал размороженный жарой дряхлый козел. Демидовский сынок тенью скользнул мимо деда, подо-

брался к грязному всклокоченному козлу и подвязал к его хвосту погремушку. И этим еще не удовлетворился озорник: птицей взлетел он по ступенькам скрипучей лесенки на каланчу и тревожно зазвонил в набатный колокол.

Дед очумело вскочил и выбежал из-под навеса. Протирая красные, слезящиеся глаза, взглянув вверх и узнав Николеньку, старик взмолился:

– Ну что нарбил, баринок? Засекут теперь меня, старого, по наказу Никиты Акинфиевича.

Разбуженный пожарным сполохом, козел по привычке выбежал на площадь, и так как звон позади него не прекращался, он ошалело закружился на месте. Со всех сторон на тревогу сбегались поднятые работные и, не видя дыма, наперебой спрашивали друг друга:

– Что стряслось? Не отошел ли, часом, хозяин?

И тут перед каланчой, как всегда словно из-под земли, вырос вездесущий приказчик Селезень.

– Николай Никитич, пожалуйста домой! – закричал он, задрав бороду к вышке.

Молодой Демидов прекратил звонить, но сейчас его внимание привлекла чудесная панорама, которая развertyвалась вокруг: по необъятному синему небу вереницей плыли пухлые облака, и легкая лебяжья стая их чудесно отражалась в нежно-аквамариновых водах пруда. За белым дворцом зеленой стеной стоял густой сад, а за ним, где-то далеко, на слободе лаяли псы. На самом солнцепеке, на песке у пруда, лежали заводские ребята; то и дело их бронзовые тела ласточкой бросались с высокого гребня плотины в темный омут. Ух, как хорошо! У Николеньки дух захватило от возбуждения. Только серебряные брызги, как искры, быстро-летно мелькали на солнце. А над головой молодого Демидова, медленно шевеля распахнутыми крыльями, высоко в лазури парил орел. Мальчуган опустил глаза вниз. Там, поминутно подтягивая сползающие с костлявого тела портки из ряднины, дед-пожарник незлобиво грозил:

– Вихорь его возьми! Погоди, ужотка доберусь до тебя. Ишь, лупоглазый, что натворил!..

4

Теплая летняя ночь; стояла пора звездопада. С гор дул мягкий ветер и порывами приносил запахи соснового леса, легкой гари с болот. Густые кроны деревьев в господском саду тихо, задумчиво лепетали, и еле слышный шорох их сливался и угасал в глубоком безмолвии ночи. В демидовском доме давно погасили огни и все отошли ко сну. Только среди темных ветвей древней дуплистой березы, которая росла у стены дворца, вверх блестяли, точно золотые дощечки, освещенные оконца в светелке мисс Джесси. В косых лучах света чуть-чуть дрожали озаренные листья, и тонкий, слегка дурманящий аромат доносился в распахнутое окно.

Среди горенки с низким потолком на ветхом обтертом стуле сидела мисс Джесси. Спина ее горбилась, вокруг большого рта легли усталые печальные морщины. Ее глаза, освобожденные от очков, казались совиными, странно щурились, принимая тревожное, недоумевающее выражение.

Старая дева пристально разглядывала себя в овальное зеркало. Покачивая утиной головкой с наверхнутыми бумажными папильотками, – от чего на стене колебались тени рогулек, – она то приближала лицо к зеркалу, то вновь отклонялась от него. Улыбаясь загадочно, мисс щерила большие желтые зубы, и улыбка эта удивительно походила на страшный оскал мертвой головы.

О чем думала мисс Джесси в эту минуту? Ночью, когда глубоко и свободно дышит вся природа и тысячи ароматных испарений насыщают воздух, когда каждый цветок и каждая былинка, согретая солнцем, и теплая росистая земля, и мимолетное облачко – все, все веет чистотой, свежестью, прохладой и покоем, – мисс Джесси, наверное, думала об утерянном...

Жалкой и смешной казалась себе старая дева. И еще смешнее показалась она, когда спустила с плеч платье и залюбовалась своим желтым костлявым телом, покрытым от холодка гусиной кожей.

Молодой Демидов сидел на дереве среди густых ветвей и все видел.

– Ух, страсти! – разочарованно вздохнул Николенька. Он неосторожно зашевелился, и под его ногой треснул сучок. Англичанка вздрогнула, быстро прикрыла плечи и подошла к окну.

– Кто здесь? – испуганно прошептала она.

Среди озолоченных светом листьев показалось смеющееся лицо Николеньки. В глазах его светилось озорство.

– Что вы здесь делали? – строго спросила мисс Джесси.

Молодой Демидов не смутился; смотря в глаза гувернантке, признался:

– Больно уж захотелось поглядеть, похожи ли вы, мисс, на наших крепостных девок! – Николенька ехидно улыбнулся, высунул язык и быстро по стволу березы скользнул вниз. Под его торопливыми движениями слышался шелест листвы, да между заколебавшимися ветками выглядывали синие звезды. Англичанка свирепо процедила сквозь зубы:

– Какой стыд! Взбалмошенный мальчишка!..

Она энергично захлопнула окно, резким движением задернула штору и взволнованно опустилась в кресло, закрыв лицо руками. В эту минуту Джесси поняла, что она некрасива, поблекла, что никто ее не понимает и не поймет в этой стране, где люди и сильны и напористы. Слезы заблестели на ее рыжеватых ресницах.

– Боже мой, как страшна и безобразна старость! – тяжело вздохнула она и устало опустила руки.

Глава вторая

1

Россия деятельно приступила к утверждению своей безопасности на юге со стороны турок. В 1778 году в Азовском крае стараниями русских были возведены многие города. На берегах моря возникли Херсон и Мариуполь, а на границах Крымского ханства – Екатеринослав. Беспокойство Турции было велико. Особенно встревожились турки, когда увидели, что подвластные им греки и армяне с семьями и со всем своим скарбом стали перебираться в отстроенные российские города. Но более всего тревожило Порту положение в Крыму, который долгое время служил угрозой русской земле. Издавна, многие столетия, отсюда крымчаки совершали свои набеги и нашествия на Русь. Через Дикое Поле, по старинному Муравскому шляху, прорываясь через засеки на север, многочисленные орды татарских наездников добивались до Москвы. Не раз столица Московского государства пылала от их рук. Настало время, когда решено было положить предел вечным беспокойствам на южной границе нашей родины. В Крыму в эту пору шла ожесточенная борьба двух партий, турецкой и русской ориентации. Хан Шагин-Гирей, свергнутый с престола турецкими ставленниками, обратился за помощью к русским. Россия вернула ему трон, но поскольку интриги и происки Турции не прекращались, число русских войск в Крыму увеличилось, и в скором времени начались переговоры с ханом Шагин-Гиреем, которые привели к желанной цели. Хан отказался от своих прав, и Крым 8 апреля 1783 года навсегда был присоединен к России.

Событие это вызвало чрезвычайно сильное волнение в Константинополе. Ожидался разрыв между Россией и Турцией, которая грозила войною. Однако благодаря усилиям Потемкина и русского посла в Турции Булгакова Порту удалось отклонить не только от войны, но еще и заключить с нею 23 июня 1783 года очень выгодный для России торговый трактат, а 28 декабря была подписана с турками конвенция, по которой Крым оставался за Россией и река Кубань назначалась границей между обоими государствами. Таким образом, за русскими закреплялся обширный, богатейший, но малонаселенный край, названный Новороссией.

Генерал-губернатор вновь приобретенных земель князь Потемкин энергично приступил к устройству городов, возведению крепостей, заселению диких степных пространств и развитию земледелия. Он мечтал о превращении Новороссии в оживленный край, в котором процветали бы промышленность, искусства, и тем самым Россия прочно стала бы на Черном море.

По его приказу разводились в степях леса, виноградники, тутовые деревья для шелководных червей, возникали фабрики, казармы, дворцы и театры. И, самое важное, на Черном море стали строить русский флот.

Своим дерзновением Потемкин поражал многих современников. Он засыпал государыню самыми смелыми и неожиданными проектами, в которых было больше необузданной фантазии, чем реальной возможности. Екатерина Алексеевна, не зная подлинного состояния дел в Новороссии, слепо верила своему фавориту, щедро награждала его чинами, крепостными, дворцами. Потемкину пожаловали все русские ордена, звание генерал-фельдмаршала и президента военной коллегии. Ему шли огромные суммы, из которых он беззастенчиво заимствовал на личные надобности и прихоти. Генерал-губернатор Новороссии не считался ни с чем. Пользуясь особым доверием и благорасположением к нему государыни, Потемкин злоупотреблял своею властью, часто не различая государственных средств от личных. Миллионы рублей уходили на удовлетворение причуд светлейшего. Города оставались недостроенными, проекты забывались, а между тем казна заметно опустошалась. Нашлись люди, которые повели против Потемкина борьбу, стремясь доказать, что он обманывает государыню, что делаемые

огромные затраты не принесут никакой пользы, да зачастую и используются-то они не по назначению. В ответ на козни Потемкин прибыл в Санкт-Петербург и, хотя был принят Екатериной Алексеевной с заметной холодностью, все же сумел увлечь ее грандиозными проектами изгнания турок из Малой Азии. Он мечтал на развалинах Порты восстановить Грецию под скипетром Константина – внука Екатерины. «Греческий» проект наделал много шума, и хотя на первый взгляд казался плодом неудержимой фантазии Потемкина, на самом деле он был построен на серьезных основаниях. Стремление осуществить его привело к большим историческим событиям. Русские окончательно утвердились на Черном море. Крым стал неотъемлемой частью России, и границы нашего государства далеко раздвинулись на запад и юг.

Чтобы показать воочию, что творится на юге, Потемкин пригласил государыню совершить путешествие в Новороссию. 7 января 1787 года Екатерина Алексеевна с огромной блестящей свитой выехала из Царского Села. Потемкин окружил это путешествие императрицы большой помпезностью и блеском. Все делалось наспех, разбрасывались огромные средства, хищнически использовалась рабочая сила – и все только для того, чтобы обмануть царицу. Как опытный постановщик спектакля, Потемкин разыграл перед ней фантастическую феерию. По его проектам на пути следования государыни были построены на скорую руку показательные дворцы, станции и даже города. Кременчуг был превращен в маленькое своеобразное подобие столицы. Всюду прокладывались дороги, разбивались тенистые сады, а на Днепре взрывались пороги. На левом берегу реки против Херсона в течение нескольких зимних месяцев 1787 года возвели город Алешки. На Днепре готовились десятки роскошных галер в римском вкусе. Шло строительство Черноморского флота.

Путешествие императрицы Екатерины, которое она совершила вместе с австрийским императором Иосифом II, походило скорее на сказочный спектакль, чем на деловой осмотр вновь приобретенного края.

Громадная флотилия галер, во главе с самой роскошной – «Днепр», двинулась по реке. За ней следовал «Буг», на котором пребывал Потемкин. В наиболее живописных местах флотилия останавливалась, и государыня с гостем выходила на берег, где в ее честь устраивались пышные празднества, происходили маневры казачьих войск, гремели пушки и огнями радуг рассыпался фейерверк.

На всем протяжении пути по степи государыня и ее свита видели изумительные картины. Там, где еще недавно простиралась дикая пустыня, теперь виднелись богатые села, красивые здания, церкви, в гаванях – купеческие корабли, груженные товаром, а на полях паслись бесчисленные стада тучного скота. Красочно одетые поселяне водили хороводы и прославляли счастливую жизнь.

Еще более великолепные картины цветущего края раскрылись перед Екатериной Алексеевной в Крыму, где сама ласкающая природа и голубое море окончательно пленили ее. С момента вступления государыни в Тавриду императорскую карету сопровождала блестящая татарская конница. Самые знатные татарские мурзы, разодетые в яркие одежды, составляли почетный кортеж государыни, приводя ее в восхищение джигитовкой и различными конными эволюциями. Даже австрийский император не мог налюбоваться на это поистине прекрасное зрелище.

В Симферополе Екатерину Алексеевну поразили пышный сад, разбитый в английском вкусе. Не менее роскошный сад чисто восточного стиля привлек внимание государыни в Карасубазаре. Неумолчно журчали фонтаны, шумные водопады в знойный полдень приносили освежающую прохладу. В густой сени парка высился пышный дворец, а с наступлением ночи императрица была изумлена сказочным фейерверком в триста тысяч ракет. Все здесь напоминало сказку из «Тысячи и одной ночи».

Но самое эффектное зрелище ждало императрицу в Инкермане. В специально выстроенном для приема дворце во время обеда вдруг распахнули занавес, и перед очарованной госу-

дарыней открылся вид на море. Словно по волшебству, перед ней предстала Севастопольская гавань с десятками военных кораблей. И в этот торжественный миг началась пальба из пушек, приветствовавшая рождение Черноморского флота.

Государыня осталась в восторге от всего увиденного ею. В результате путешествия в Новороссию светлейшему были выданы большие награды и присвоено наименование Потемкина-Таврического...

Враги Потемкина были посрамлены и не посмели раскрыть перед царицей горькую правду. Между тем она была просто-напросто обманута энергичным и ловким фаворитом. Великолепные селения, которые императрица видела издали на своем пути, были не что иное, как театральные декорации. Огромные стада, которые паслись возле наспех созданных «потемкинских деревень», были пригнаны со всего края и украшали собою дорогу, а ночью их перегоняли с места на место, чтобы показать царице, сколь изобилен новый край. Передавали, что в интендантских складах вместо муки находился песок, а разодетые, веселящиеся пейзажи сгонялись со всей Новороссии, чтобы создать картину полного народного благоденствия. Разговоры об обмане Потемкиным государыни были справедливы: в предприятиях его оказалось много показного и несерьезного. Но один несомненный и неопровержимый факт остался непоколебимым: благодаря талантливым русским флотоводцам и кораблестроителям отныне Российская держава упрочилась на Черном море, и это могущество нашей земли заставило призадуматься иностранные державы...

2

Блистательное путешествие в Новороссию русской императрицы явилось своеобразной политической демонстрацией. Турция не выдержала и объявила России войну, которая и началась в августе 1787 года. Открывшиеся военные действия потребовали от Урала – старинного испытанного поставщика оружия – огромного количества пушек, ядер, железа. Это придало силы Никите Акинфиевичу Демидову. Он постепенно стал поправляться от перенесенного удара.

Жажда движения, стремительной деятельности по-прежнему овладела его дряхлеющим телом. Неудержимо потянуло на завод. Но, увы, тело все еще не было послушно его желаниям! Шаркая парализованной ногой, опираясь на плечо приказчика Селезня, он с большим трудом на ранней заре подошел к распахнутому окну. Словно вновь рожденный, хозяин с любопытством оглядывал горы, пруд и прислушивался к заводским звукам. Тучи пара и дыма окутывали старые домны, в которых день и ночь плавил руду, лили чугун и сталь. Багровые языки пламени порой прорезали дымную мглу, и тогда Демидову казалось, будто на верхней площадке домны распускается невиданный жаркий цветок. На земле еще лежала ночная тень, но первые лучи солнца уже скользили по гребням высоких гор... Постепенно и незаметно все начало сверкать золотыми отблесками. Широкий пруд покрылся шелковистой рябью. Жирные и тугие караси выплывали на поверхность, стремительно выскакивали из воды и с громким плеском тяжело падали, сверкая золотой чешуей. В небе пронеслись трубные звуки перелетных лебедей. Осень надвигалась на горы, бродила по лесам и парку, раскрашивая их в золотисто-оранжевые цвета. На кустах в парке слюдяным блеском сверкала паутина.

– Ах, хорошо! Ах, дивно! – улыбаясь, прошептал Никита и стал жадно дышать.

Впереди на заголубевшем небе темнел четкий контур горы Высокой, давшей жизнь заводу. Редкие кустики чахло зеленели на красных глинистых склонах, по которым серыми змейками сбегали глубокие рытвины, промытые дождями. Кругом темными силуэтами громоздились знакомые с юности вершины Белой, Острога Камня, Старика, Шайтана, Веселых Гор. Одиноким пиком высился Медведь-Камень. А на берегу пруда, в самом центре Тагила, – высокая Лисья гора. Никиту Акинфиевича потянуло на вершину.

– Несите на Лисью! – приказал он.

– Ой, что ты, хозяин! – в страхе взглянул на него Селезень. – Поберечься надо! Придет час – сам зашагаешь... Мы еще потопаем по земле, Никита Акинфиевич, – лукаво ободрял он Демидова.

Прибежал лекарь, умоляюще поднял костлявые руки:

– Бог мой, этого нельзя делать! Нельзя! Нельзя!

Маленький, остроносый, он походил на щуплого, заморенного курчонка. Никита поморщился, отмахнулся от лекаря.

– Кш... Уйди. Мне лучше себя знать... Нести на гору! – властно приказал он.

Соорудили род паланкина, накидали гору подушек и на них уложили хозяина. Крупный, породистый, с горделивой осанкой, он возлежал, как римский патриций. Его несли бережно, медленно, словно хрупкий сосуд с драгоценной влагой. Паланкин тихо и ритмично раскачивался в такт движению. Толпа слуг, во главе с Селезнем и лекарем, сопровождала хозяина.

Стоял синий сентябрьский день. Умиротворенный Демидов ненасытными глазами разглядывал окружающее. Было так отрадно ощущать заново мир, играющий всеми красками. В голубом небе тянули гусиные косяки. Он проводил их завистливым взглядом. Мимо горы стороной промелькнула стайка хохлатой чернети. Где-то тонкоголосо звенел ручей, и ветер приносил из леса смолистые бодрящие запахи.

С каждым шагом в гору все шире и пестрее раскрывается окрестность. Среди старых деревянных строений постепенно поднимается завод и распаиваются необъятные дали.

Хозяина принесли на вершину Лисьей горы.

– Стойте! – крикнул он людям, и они послушно спустили паланкин на землю, обложили Демидова подушками. Он сидел, как старый, зоркий коршун, рассматривая свое родовое гнездо.

Вот в широкой живописной долине синеет река Тагилка, неся свои воды к необозримому заводскому пруду. Огромный белый дворец среди осеннего парка. Под ярким солнцем пруд зыблется и мерцает. У самого берега – село Гальяны. А еще дальше – могучие, суровые горные кряжи, которые придают всему окружающему грозное величие. И опять взор перебегает на любимый завод. Знакомые доменные печи, выпускающие клубы черного дыма со снопами ярких искр и жаркими языками вырывающегося по временам огня. На склонах Магнитной горы, в отвалах, словно муравьи, копошатся люди, роют руду, грузят ее на тележки, и обозы лентой тянутся к доменным печам.

Никита пытливо посмотрел на приказчика и сказал:

– Многие всю жизнь ищут кладов втуне. А вот он, великий, неисчерпаемый клад! – Он указал глазами на Высокую и добавил: – Отныне и до века не исчерпать тут руд. И все мое, демидовское! Руды тут самые лучшие, и железо оттого непревзойденное. Знал батюшка, где искать добро!

И впрямь, похвала Никиты Акинфиевича была не пустая: демидовское железо с маркой «Старый соболь» славилось не только на своей земле, но и за границей. К марке «Старый соболь» он добавил свое клеймо: «CCNAD», что означало – статский советник Никита Акинфиевич Демидов.

Хозяин еще раз оглядел завод и отвалы Высокой, взор его перебежал к пруду, к зеленым островкам, и вдруг на ресницах повисла тяжелая слеза. Никто не знал, что тронуло сердце заводчика. А перед его задумчивым взором вдруг мелькнуло минувшее. В куше дуплистых вязов догнивал старый дедовский дом – первое жилье Демидовых на Тагилке-реке. Обрушился на островке храм Калипсо. Давно ли это было? Кажется, только вчера они бродили вместе с золотоголовой Юлькой, совсем недавно он был молодой, сильный, и вот все ушло и не воротится больше!

Никита Акинфиевич глубоко вздохнул и поманил приказчика.

– Несите к дому, – упавшим голосом сказал он.

На душе Демидова легла тихая грусть, он присмирел и дорогой не проронил ни слова...

Несмотря на томление, которое охватило хозяина при воспоминании о прошлом, он быстро справился с тоской.

– Хватит! – словно ножом, отрезал он минувшее. – Снявши голову, по волосам не плачут! Не вернуть лихую младость. Все проходит, но и осень бывает мила сердцу!

Успокаивая себя, он потребовал из конторы книги и вновь с жаром принялся за хозяйственные дела. Он вызывал к себе в кабинет приказчиков, писцов из конторы, подолгу выслушивал доменщиков, литейщиков, рудокопов, давая дельные указания. Долгие часы Демидов высиживал за столом и проверял книги, стараясь наверстать упущенное за время болезни. В хлопотах и за делами Никита Акинфиевич стремился забыть неумолимую старость. Однако и среди бесконечных дел он не забывал о наследнике. Часто и подолгу отец заглядывался на своего единственного сына. Николенька был румяный, большеглазый и всегда озорной.

«Ничего, уйдет это! – успокаивал себя Никита. – Кончится ребячья пора, другим станет. За дело время, за работу!»

Однажды по приказу хозяина Селезень привел в дом сивобородого мастерка.

– Вот, хозяин, этот и есть самый лучший у нас! – показывая на него, сказал приказчик.

Старик был широк в плечах, сухопар, строгие серые глаза не опустились перед Демидовым.

– Как звать тебя? – любопытствуя, спросил Никита Акинфиевич.

– Крещеное имя – Ерофей, а по батюшке Иванов, а народ запросто кличет Уралкой. Родился я тут, изроблюсь и кости сложу на этой земле!

– Сколько же тебе годков? – поинтересовался Демидов.

– Семь десятков исполнилось! – твердо ответил мастерко. – Еще при отце твоём, Акинфии Никитиче, робил я здесь...

Работный стоял прямо, старость не смогла еще согнуть его плечи. Зубы у него сохранились, были крепкими и белыми. Никита позавидовал старику.

– А помирать когда думаешь? – с подковыркой спросил он старика.

– Вот брякнет сотня годочков, тогда и на погост! – отозвался старик и вызывающе посмотрел на Демидова.

– Выходит, не торопишься на тот свет? – улыбнулся хозяин.

– Торопиться не к чему, пекло с чертями не уйдет от меня, да и тут похоже на это! – дерзко сказал он.

Демидов помрачнел, отвернулся и сказал Селезню:

– Зови Николеньку! А ты, неукротимый, – обратился он к работному, – держи язык за зубами. Учить нашего наследника поручаю!

– Уволь, хозяин! Несвычны мы с таким делом, – запросил мастерко. – За работой тяжело, а коли тяжело, всегда лютое слово сорвется!

– Ничего! – снисходительно сказал Никита. – Ко времени сказанное крепкое слово бодрит русского человека, к стойкости приучает работника. Учи сына, как надо демидовскому корню. Пусть взглянется в наше дело. Пользе научишь – награжу. Оплошаешь – бит будешь!

Пришел Николенька, и после наставления хозяина мастерко увел его на завод. Из лесу, из-за Тагилки-реки доносилась чуть слышная тоскливая песня. Уралко прислушался и сказал:

– Жигали от горемычной жизни завели! И-их, как жалобно поют, за душу берет! Тяжело им живется, сынок, а горщику и литейщику совсем пекло! Идем, идем, кормилец! – с лукавинкой посмотрел он на молодого хозяина и зашагал быстрее. Николенька еле успевал за сухопарым стариком. Навстречу им нарастал неровный гул, издавна знакомый Николеньке. Однако на сей раз заводские голоса звучали по-особому: Демидов впервые вступал в недра завода, и все ему казалось сегодня в диковинку. Вот гремят молотки, визжит железо, свистит что-то да

шумит вода, падающая в шлюз. А когда Николенька вошел в заводские ворота, завод предстал перед ним страшным чудовищем, неумолчно грохочущим, стучающим, ревущим, лязгающим. Под горой протянулись приземистые кирпичные здания, потемневшие от времени, высились мрачные трубы, извергавшие тучи черного дыма. Под крышами шум непрестанной человеческой работы стал еще оглушительнее. У молодого Демидова голова пошла кругом. Уралко пылливо посмотрел на барчонка и недовольно покрутил головой.

– Погляжу я на тебя, сынок, с виду ты гладкий, откормленный, выпестованный, а душа и глаза пугливые! – сурово сказал он. – Страшно тут-ка? А как нам доводится? Мы весь век свой на огневой каторге прожили!

Николенька присмирел. Правда, хотелось ему наговорить старику дерзостей, но в первые минуты гром, лязг и визг ошеломили его, и он растерялся.

Мастерко провел Николеньку в кладовушу и добыл там для него кожаный фартук с нагрудником – запон.

– Ну, обряжайся, кобылка! – подавая ему рабочую одежку, насмешливо сказал Уралко.

– Я не кобылка, а хозяин! – запротестовал Николенька.

– Ну, брат, не спорь здесь. У нас так: все ученики кобылкой кличутся! – пояснил мастерко.

Молодой Демидов нехотя надел фартук.

– Ну а теперь пойдем в нашу храмину! Сперва оглядись, а потом, господи благослови, и за ученье!

Старик провел Николеньку в молотовую. Тяжелые огромные молоты срывались откуда-то сверху и с громом падали на куски железа. Мальчуган зажал ладонями уши, но Уралко оторвал руки и строго прикрикнул:

– Не дури, парень, приучайся к нашей веселой жизни!

Стуки молота жестоко отдавались в мозгу. К ним присоединился свист вихря из огромных черных мехов, и сильные струи воздуха, откуда-то вырывающиеся, сорвали с головы Николеньки шапку и унесли бог знает куда. Глаза слепило от яркого раскаленного железа. Кругом был совершенный хаос: все мешалось, кружилось, сверкало искрами, гремело. От страха Николенька схватил деда за руку.

– Ну, ну, не балуй! Гляди-разглядывай, уму-разуму учись! – прикрикнул мастерко. – Эка невидаль, обдало жаром-варом, а ты стой, смотри, не смигни! Тут, брат, сробел – пропал! Это тебе, сынок, не шанежки¹ есть да молочко пить. Что верно, то верно: тут такая круть-верть, что страшно и взглянуть, но ты не пугайся! Запомни: страх на тараканьих ножках бродит. Гляди, не робей! Эва, поглядывай!..

Озаренный красным пламенем, Уралко щерил крепкие широкие зубы. С поговорками, со смешком, с одобрением мастерко провел Николеньку вперед. Вверху под стропилами – черный мрак, а рядом – жаркими ослепительными пастями пылают плавильные горны.

– Гляди, что надо робить! Примечай! – крикнул старик и устремился к одной из печей.

На ходу он проворно схватил железные щипцы и подбежал к пасти. Еще мгновение – и Уралко, озаренный пылающим металлом, как демон в преисподней, бросился к огромному молоту.

У Николеньки от страха захолонуло под сердцем: ему почудилось, будто раскаленный шар стремился прямо на него, оставляя позади себя светящийся хвост. Но Уралко пробежал мимо, на мальчугана пахнуло горячей струей нагретого воздуха.

Темный грузный молот легко поднялся вверх, старик проворно положил под него раскаленный металл. И в тот же миг громадный, грузный молот с грохотом обрушился на белую от накала крицу, и потоки ослепительных звезд брызнули в стороны. Одна из них, шипя, упала на

¹ Шанежка, шаньга – лепешка со слоем масла или сметаны, ватрушка.

кожаный запон Николеньки и прожгла его. Тысячи других звезд, вспыхнув, меркли во мраке на сыром песке пола и на черных от копоти кирпичных стенах. Иные уносились в далекие темные углы и долго светились в воздухе.

Несколько раз поднимался молот и ударял по чугуну. Но вот, наконец, Уралко стащил отработанное железо и отбросил в сторону. А на смену старику уже бежал другой рабочий.

– Видал, сокол? – спросил Николеньку старик, утирая пот. – Вот так и бегай и торопись, как челнок в пряже. Одним словом, горячая работенка!

Молодой Демидов все еще с опаской озирался вокруг. В полутьме по-прежнему скользили черные тени, зловещим сиянием озарялись печи, и на фоне этого золотого сияния четко вырисовывались силуэты людей со щипцами, с полосами железа или непонятными крючьями в руках.

Работа кипела. Со стороны Николеньке казалось, что люди, стремительно снующие от печи к молоту, руки их, несущие раскаленный металл, не знают напряжения, – так легки и плавны были их движения.

Однако один из перемазанных сажей рабочих вдруг пошатнулся и чуть толкнул Демидова.

– Поберегись, парень! – прохрипел он.

– Ты пьян! – рассердился Николенька. – Смотри, батюшке скажу!

– Не грехи! Не видишь, от работы очумел человек: еле держится на ногах, воздух ртом хватает. Закружился, стало быть, невмоготу стало! – сурово сказал Уралко и нахмурился.

– Верно, измаялся! – глухо отозвался рабочий. – С утра от печи не отходил, а во рту маковой росинки не было. Задыхаюсь! Ох, тошно мне!..

– Выйди на ветерок, подыши! Не ровен час, от натуги сердце лопнет! – сказал Уралко, и рабочий с тяжело опущенными руками пошел во двор. – Пойдем, передохнешь и ты! – предложил он мальчугану и вместе с ним вышел к пруду.

В лицо пахло свежестью. Николенька глубоко вздохнул:

– Славно здесь!

Он огляделся. За прудом весело шумящий лес. Пики елей синели на светлом фоне неба, по которому плыли седые клочковатые облака. На листьях склоненной над прудом березки дрожали капельки росы. Окружающий мир показался Николеньке прекрасным, и ни за что не хотелось возвращаться в молотовые, где грохотал и вспыхивал изнуряющим жаром крошечный ад. Молодой Демидов полагал, что Уралко сейчас же начнет ругать свою долю и работу. Но старик присел на камень на самом бережку пруда и, щурясь на солнце, с душевной теплотой вымолвил:

– Хорошо и на солнышке! Хорошо и на работе! Работа да руки, сынок, надежные в людях поруки. Мастерство наше, милок, старинное, умное.

Уралко испытующе посмотрел на мальчугана и продолжал:

– Стары люди говорят: красна птица пером, а человек – умением. И наши деды, и отцы, и мы – работнички, привычные к железу. Железо-металл стоящему человеку дороге всего! Железо – первый металл!

Демидов улыбнулся и сказал старику:

– Неверно! Самый первый и дорогой металл – золото!

Мой батюшка железо добывает, а сбывает его за золото!

Уралко укоряюще покачал головой.

– Эх, сынок, не то надумал ты. Послушай-ка, скажу тебе такое, о чем стары люди сказывали в давние годочки. В былое времечко наши горы – Камень – впусе лежали: жило тут племя незнаемое – чудь белоглазая² да бродячие людишки. Охотой все больше промышляли.

² Чудь белоглазая – у славян общее название финских племен.

И пришли сюда издалека, из новгородской земли, пращуры наши. Крепкий народ! Добрались они на ладьях к подножию гор и закричали властелину Камня:

«Э-ге-ге-гей, горный царь, пришли мы к тебе издалека счастья искать!»

«А чего вы хотите для счастья? – спросил их властелин гор. – Золота на сотню лет или железа навсегда?»

В ответ пращуры наши подняли мечи и закричали владыке горных дебрей:

«Железа нам! Железа навсегда!»

И тогда, сынок, из гор прогремело громом.

«Добрый твой выбор, могучий народ! Будь счастлив отныне и до века, железный род!»

– Вишь ты, как вышло! – С умной улыбкой Уралко посмотрел на Демидова и предложил: – Хватит балясы точить. Надо и честь знать! Айда, сынок, за работу!

Мастерко снова увел Николеньку к пылающим жаром печам.

Проворный и сильный Николенька оказался медлителен и ленив в работе. Старик то и дело покрикивал:

– Живей, живей, малый!

Мальчугану казалось, что он попал в преисподнюю.

Что за люди окружали его? Сумрачные, молчаливые и злые в труде. Лица их обожжены на вечном огне подле раскаленного железа, потные лбы, медные от жара, кожа покраснела. Рваные рубахи взмокли от пота. Дед Уралко поминутно утирал рукавами морщинистое лицо, по которому стекали грязные струйки.

– Пот у нас соленый, сынок! До измору работаем! Рубахи от труда дубяные! – пожаловался старик; из его натруженной груди дыхание вырывалось с громким свистом. – Эх, дырявые мехи у меня стали. С продухом! – И горько улыбнулся он.

Кругом мастерка бегали подручные, переключаясь хриплыми голосами. А Уралко все подбадривал:

– Проворней, проворней, сынки!

Работали все до изнурения. Николенька неприязненно поглядывал на старика:

– Скоро ли пошабашим? Надоело, дед. И к чему эта мука?

– К науке! – отозвался Уралко. – Ты, милый, работой не гнушайся! На работе да трудах наших Русь держится. Сам царь Петра Ляксеич хорошее дело любил. Кто-кто, а он уж знал толк в мастерстве. Слушай-ка...

Он поманил Николеньку во двор и там, шумно дыша, уселся на камень.

– Маленький роздых костям старым! – устало сказал он. – Слышь-ко, ты не думай, я ведь знавал самого государя. Годов полсотню тому меня в Воронеж гоняли на верфи. Батя мой плотничал, а я якоря пристраивал... Батя отменный корабельный плотник был, царство ему небесное! Ух, топором рубил, как песню пел...

Один разок и похвались мой батя:

«Все Петр Ляксеич да Петр Ляксеич! Да я не хуже царя плотник! Да я...»

«Стой, не хвались!» – крикнул тут бате высоченный мастер. Отец оглянулся и обмер: перед ним стоял царь. Он-то все слышал, а батя его и не заметил.

Петр Ляксеич подошел к плотнику и рассказывает:

«Хвасти у тебя много, а поглядим, как ты на деле себя окажешь!»

«Виноват, Ваше Царское Величество!» – повинился батя. Царь говорит ему:

«Ну-ка, покажи свое мастерство! – И кладет свою руку на стол. – Давай вырубь топором между этими перстами, да не задень ни единого, тогда ты не уступишь царю Петру – хороший, значит, плотник будешь!»

Ну что тут делать? Хочешь не хочешь, а пришлось мастеру рубить. Да так рубил он: не задел ни единого перста. Тогда царь и сам похвалил его:

«Молодец! По-честному хвалился умением: добрый ты мастер!.. Видишь ты как!..»

Николенька посмотрел на свои грязные руки, вздохнул тяжело.

– Дедушка, а скоро ли домой?

– погоди, сынок, не весь урок сробили. Великий урок твой батюшка задал: от темна до темна стараешься, а всего не переделаешь!

– Я уйду! – рассердился Николенька.

– А попробуй, бит будешь! – пригрозил Уралко и с презрением посмотрел на Демидова. – Погляжу на тебя: на баловство ты мастак, а в работе ни так ни этак! – Старик укоризненно покачал головой и добавил: – Ты только краем хватил нашей корявой доли, а мы весь век свой надрываемся. А что, сынок, не сладко работному?

Демидов угрюмо молчал.

«Ничего себе растет звереныш! – подумал мастерко. – Деда и отцы Демидова терзали нас, и этот крепнет на злосчастье наше».

Уралко прищурился на солнышко.

– Высоко еще, пора идти работать! – И опять повел Николеньку к молотам.

3

Из Санкт-Петербурга внезапно прибыл фельдъегерь с письмом от военного министра, а в нем сообщалось, что государыня, милостиво вспомнив о Демидове, определила судьбу его сына Николеньки.

«Не приличествует сыну столь славного дворянина пребывать в забвении, – высказала свое мнение Екатерина Алексеевна, – потомку знатных родителей надлежит служить в гвардии, у трона своей государыни!»

Это весьма польстило Никите Акинфиевичу и взволновало его. С малолетства любивший именитую знать, он мечтал о блистательной карьере для своего наследника. Об этом в свое время мечтала и покойная жена Александра Евтихиевна. Когда они возвращались из чужих краев и в метельную ноябрьскую ночь в селе Чирковицах, в восьмидесяти верстах от Санкт-Петербурга, родился столь долгожданный сын, решено было, по примеру столбового дворянства, немедленно записать его в гвардию.

По приезде в столицу младенца тотчас же зачислили на службу в лейб-гвардии Преображенский полк капралом. В 1775 году двухлетнее дитя произвели в подпрапорщики, а когда Николеньке исполнилось девять лет, последовало повышение в сержанты; ныне пятнадцатилетний юнец был переведен с тем же чином в лейб-гвардии Семеновский полк. Так, находясь в отчем доме на попечении мисс Джесси и других наставников, Николенька, по примеру всех дворянских недорослей, успешно проходил военную службу в гвардии. И сейчас повеление государыни призывало его в свой полк, который он отродясь не видел, но числился в нем офицером.

Никита Акинфиевич затосковал перед разлукой с наследником. Все дни слуги хлопотливо готовили молодого Демидова в дальнюю дорогу, укладывая в сундуки белье и одежду. Мисс Джесси закрылась в светелке и все ждала – вот-вот появится Николенька: она расскажет ему о своей неудавшейся жизни, и, кто знает, может быть, он пожалеет ее и скажет ласковое слово? А питомец мисс в эти минуты сидел в отцовском кабинете и выслушивал поучения старика. Ссутулившийся, поседевший Никита Акинфиевич тяжелыми шагами ходил по кабинету и строго внушал сыну:

– Может, это последнее расставание с тобой, Николай. Неладное чует сердце! Стар стал. Помни, на тебя ноне вся надежда. Род наш стал велик и прославился, но ты главный демидовский корень, не забывай об этом! Деда наши и отцы были сильны хваткой, величием духа, своего достигали упорством. Добрый корень, сын мой, скалу дробит, так и демидовская сила преодолевала все!

Старый Демидов размеренно ходил по комнате, и слова его глухо отдавались под сводами. Покорно опустив голову, Николенька притворно вздыхал и соглашался во всем:

– Будет по-твоему, батюшка!

А внутри него каждая жилочка трепетала от радости. Ему хотелось вскочить и пуститься в пляс, но юнец сдержал себя. Он уже мечтал о предстоящем путешествии и мыслями был в Санкт-Петербурге, но покорно слушал старика, который внушал:

– Кланяйся матушке государыне да поблагодари за всех Демидовых!

– Поблагодарю и поклонюсь! – охотно кивнул головой Николенька.

– Слушайся управляющего нашей санкт-петербургской конторой Павла Даниловича Данилова. Он есть главный опекатель добра нашего! Поберегись, сын мой, мотовства! Сие приводит к разорению и бедности! – продолжал внушать Демидов.

– Буду слушаться, батюшка, господина Данилова и поберегусь.

– Данилов не господин, а холоп наш! – сердито перебил Никита Акинфиевич. – А с холопами надо себя держать высоко и вызывать к себе почтение, господин гвардии сержант! – Он поднял перст и, довольный, рассмеялся.

Николенька покраснел от удовольствия, что батюшка впервые назвал его по чину. Был весьма счастлив и Никита Акинфиевич: сбылось то, о чем он сам мечтал в младости – сын его, наравне со знатными отпрысками империи, состоит в гвардии. Это сильно льстило старику. Он обмяк, прищурил лукавые глаза на сына.

– Небось побегать хочешь в последнее по заводу?

– Хочу, – чистосердечно признался Николенька.

– Иди, – отпустил его отец.

Угловатый, загорелый Николенька проворно вскочил и устремился из горницы. Выйдя из отцовского кабинета, он сразу повеселел и запрыгал по обширным паркетам. Из светелки на шум спустилась мисс Джесси. Она укоризненно взглянула на питомца, но тот вдруг вытянулся по-строевому, стал грозен и прокричал на весь зал:

– Смирно! Руки по швам! Глаза на-ле-во! Сержант лейб-гвардии Семеновского полка шествует.

У мисс испуганно округлились глаза, и на них навернулись слезы.

– Вы варвар! – укоризненно пожаловалась она. – Мы скоро расстаемся, а вы...

Она не договорила и приложила к мокрым ресницам платок. Костлявая англичанка выглядела жалко, но у здорового Николеньки не было жалости. Он небрежно махнул рукой и на ходу бросил ей:

– Как всегда, вы очень сентиментальны, мисс...

Ему хотелось скорей вырваться из этих опостылевших стен, где за каждым его шагом следили, делали бесконечные замечания, где только и разговоров что о рудах да о железе!

«Я есть главный демидовский корень! Погодите, я покажу вам, как надо жить!» – с гордостью подумал про себя Николенька.

Между тем Никита Акинфиевич после глубоких раздумий избрал среди дворовой челяди дядьку для отбывающего в столицу сына. Несколько лет Николеньку обучал русской словесности дьячок домово́й церкви – крепкий жилистый Филатка. Церковный служака вел себя хитро, замкнуто и отличался страшной скупостью. Про него сказывали, что он носил червонцы, зашитые в шейный платок. От хмельного дьячок упорно уклонялся, держался всегда трезво и рассудительно. Это и понравилось Демидову.

«Такой скареда не подведет, юнца обережет от соблазнов. Скупость – достоинство человека. Копейка за копейкой бежит, глядишь – и рубль в кармане! Пусть Николай перенимает, как надо беречь добро!» – решил Никита Акинфиевич.

Хозяин вызвал дьячка к себе в кабинет. Тот робко переступил порог, опасно огляделся. Демидов зорко осмотрел приглашенного.

– Чирьями не болеешь? Тайную хворость какую-либо не скрываешь? – вдруг пытливо спросил он дьячка.

– Что вы, Никита Акинфиевич! Помилуй бог! – взволновался церковный служитель. В уме у него мелькнула догадка о доносе. «Кто же чернить задумал меня перед хозяином?» – в тревоге подумал дьячок.

Демидов взял его за руку и подвел к окну.

– Ну, милоч, раздевайся!

Филатка испуганно покосился на хозяина, взглянул на окно.

«Помилуй бог, не худое ли задумал старый пес? Демидовы – они, брат, такие!» – со страхом подумал он, но покорился и, поеживаясь от неловкости, разоблачился.

Дьячок был статен, сухопар, телом чист и бел.

– Гож! – облегченно вздохнул Никита Акинфиевич.

– Батюшка! – вдруг спохватился и бросился голым в ноги хозяину дьячок. – Неужто под красную шапку надумали сдать? А известно вам, сударь, что духовные лица законом ограждены от солдатчины?

– Молчи! – прервал его сердито Демидов. – Не о том идет речь! Одевайся!

Филатка облачился и все еще стоял посреди комнаты в недоумении.

Никита Акинфиевич опустился в кресло и, положив на стол большие руки, вразумительно сказал:

– Надумал я дядькой тебя к наследнику приставить. Поедешь ты с ним в Санкт-Петербург. Угодно ли тебе служить моему единственному дитяти?

– А мне, сударь, все едино, что Богу служить, что господину, лишь бы в убытке не был! – просто ответил дьячок.

– В убытке не будешь! – подтвердил Демидов. – Гляди, самое дорогое вручаю на попечение тебе!

– Много довольны будете, сударь! От мирских соблазнов ваше чадо, ей-ей, сохраню, Никита Акинфиевич!

Однако хозяин не довольствовался одними пустыми обещаниями: он подвел Филатку к образу и поставил его на колени.

– Клянись! – строго предложил дьячку Демидов. – Клянись беречь моего сына как зеницу ока и наставлять его на трудном житейском пути!

– Клянусь! – торжественно сказал дьячок и, положив крестное знамение, пообещал: – Крепче жизни буду охранять отрока Николая и на путь истины бескорыстно и благолепно наставлять!

После этого Демидов успокоился и отпустил дядьку:

– Ну, иди и готовься в дорогу!..

Наконец настал день отъезда. К этой поре подросли крепкие заморозки, горные леса сбросили последний багряный лист, а дороги установились твердые и надежные. Путешествие предстояло совершить «на долгих». Собирая коней в путь, их загодя откормили, объездили. На день вперед отправили обоз со съестным и поваром, чтобы готовить на привалах и ночлегах обеда и ужина для молодого заводчика. Дьячок Филатка составил опись всего имущества Николая Никитича и упрятал ее в ладанку. Такая заботливость понравилась Демидову.

Призвали священника, и он вместе с дьячком торжественно отслужил напутственный молебен. Демидов стоял рядом с сыном, одетый в мундир, при всех орденах и регалиях, пожалованных государыней. Поодаль от него стояла дворовая челядь, учителя, мисс Джесси и приказчик Селезень. Долго и торжественно молились, а после молебна демидовская стряпуха поднесла всем по чарке.

– Чтобы дорожку сгладить, чтобы добром поминали молодого хозяина! – объявил Селезень.

После полудня Николай Никитич отбыл из отцовской вотчины...

4

В экипаже, обитом мехом, было уютно, и, как ни буянил на дороге ветер, Демидову было тепло. Уральские горы постепенно уходили назад, заволакиваясь синью. Окрест лежали серые унылые деревушки. К вечеру навстречу показался бесконечный обоз. Головной воз поднимался на соседний холм, а последние подводы терялись в дальнем перелеске. Молодой Демидов загляделся на проезжающих.

«Что за люди? Куда едут в такую глухую пору?» – подумал он.

Впереди обоза трусил на сивой кобыле старик капрал в ветхом выцветшем мундире, а между телег на холодном осеннем солнце скупно сверкали штыки. На подводах сидели мужики в рваных сермягах, в истоптанных лаптях. У многих за поясом торчали топоры, у некоторых в руках были пилы, завернутые в грязные тряпицы.

– Кто это? – спросил Николенька и, не дожидаясь ответа, выскочил на дорогу.

Хотелось поразмять ноги и порасспросить проезжих. Демидов подбежал к перзему везу и отшатнулся. На телеге непокрытыми лежали два мертвеца со скрещенными на груди руками. Закрытые глаза покойников запали, носы заострились, и лица их казались пыльными, серыми. К сложенным рукам каждого была прислонена иконка.

– Что смотришь, барин? – угрюмо окликнул капрал. – Замаялись люди, лопнула жила!

Не глядя на капрала, Николай Никитич спросил:

– Куда столько народу собралось?

– Известно куда! – недовольно блеснув глазами, хмуро отозвался бородатый мужик. – На демидовскую каторгу. Приписные мы!

– А покойники почему? – в расстройстве спросил Николай Никитич.

– Проедешь тыщу верстов да вместо хлеба кору с мучицей пожрешь, небось не выдержишь! А тела влекем для показа барину, что не убегли. Да и без пристава мертвое тело хоронить не дозволено. – Крестьянин исподлобья хмуро посмотрел на молодого Демидова. А тот, растерявшись, совсем некстати спросил:

– А зачем тогда идете в такую даль?

– Вот дурак, прости господи! Да нешто сами пошли, силой нас повели! – обидчиво ответил мужичонка.

– Ну-ну, пошли-поехали! – закричал капрал. – Не видишь, что ли, вечер наползает, под крышу поспеть надо.

Скрипя колесами, обоз покатился дальше. Тощие лошаденки с хрипом, надрываясь, тащили жалкие телеги. Покачивая заостренными носами, покойники поплыли дальше, оставив среди дороги ошарашенного молодого Демидова.

– Э, батюшка, хватит вам о сем думать! – потащил его в экипаж Филатка. – Всех, родимый мой, не пережалеешь, на каждый чих не наздравствуешься!

Глава третья

1

Стояла глубокая осень, когда Николай Демидов прибыл в Санкт-Петербург. По небу плыли низкие набухшие тучи, изредка моросил мелкий дождик. Из гавани доносились одиночные орудийные выстрелы: жители островов оповещались о грозившем наводнении. Но никто не обращал внимания на сеющий дождик, который покрывал одежду прохожих серебристой пылью. Никого не интересовали орудийные выстрелы. По широкой Невской перспективе лился оживленный людской поток, то и дело проносились блестящие кареты с гайдуками на запятках. Нередко впереди позолоченной кареты бежали скороходы, предупреждая народ:

– Пади! Пади!

Среди пестрого людского потока выделялись высокие кивера рослых гвардейцев, одетых в цветные мундиры, украшенные позолотой и серебром. На всю перспективу раздавался звон шпор, бряцание волочившихся по панели сабель. Семенили отставные чиновники, совершая утренний моцион, прогуливались дамы в бархатных нарядах. У Гостиного двора толпы бордатых людей в синих кафтанах и в меховых шапках осаждали прохожих, предлагая товар, голосясто расхваливая его и чуть ли не силком зазывая покупателей. «Купчишки!» – презрительно подумал молодой Демидов и брезгливо отвернулся. На площадке перед Гостиным двором раздавались крики сбитенщиков...³

Сквозь разорвавшиеся тучи неожиданно блеснул узкий солнечный луч и засверкал на адмиралтейской игле. И это минутное золотое сияние по-иному представило город. Среди оголенных рощ и туманной сырости он вставал прекрасным и неповторимым видением. Окрашенные в разнообразные колера красок стены домов, омытые дождем, радовали глаз своей свежестью. Строгие, гармоничные линии зданий – творений великих зодчих – вставали во всем своем величии и красоте. Полуциркульные арки над каналами, одетыми в гранит, стройные колоннады, чугунные садовые решетки подле особняков – все казалось чудом, от которого нельзя было оторвать восторженных глаз. Вот налево мимо коляски проплыл дворец Строгановых, строенный славным зодчим Растрелли. Возвели его руки уральских крепостных, среди которых были отменные мастера по каменной части. Напротив – трактир Демутова. Простое, строгое здание, а влечет.

Николай Никитич вздохнул. Луч солнца угас, и снова все ушло и укрылось в серый сумрак промозглого осеннего дня. На набережной Мойки возок Демидова свернул к старым отцовским хоромам. При виде их сердце потомка болезненно сжалось. Тут когда-то пребывали отец и дед, и на эту землю ступил первый из Демидовых – тульский кузнец Никита.

Двухэтажный родовой особняк сейчас выглядел мрачно. Сложенный из серого камня, он сливался с хмурым петербургским небом. Огромные зеркальные окна его отсвечивали холодным блеском. Тяжелые черные двери из мореного дуба медленно и плавно распахнулись. Из них выбежали слуги в потертых ливреях и засуетились вокруг экипажа. На пороге появился невысокого роста, толстенький человек с обнаженной лысой головой. Несмотря на темный бархатный камзол и башмаки с пряжками, он скорее походил на купчика средней руки. Разгладив курчавую рыжеватую бороду, он подобострастно склонился перед Николаем Никитичем в глубоком поклоне.

– Заждались, сударь! Дом без хозяина сирота! Сколь годков пустуют покои, пора их понастоящему обжить!

³ Сбитенщик – продавец сбитня (горячего напитка из меда с пряностями).

«Управляющий Санкт-Петербургской конторы Данилов», – догадался Демидов и, сделав надменное лицо, пошел прямо на него. Управителя несколько не смутило высокомерие молодого хозяина. Поддерживая Николая вежливо под локоток, он повел его по широкой мраморной лестнице, покрытой ковром, во второй этаж.

Данилов провел Демидова по анфиладе парадных залов – обширных, холодных. Ощущение холода усиливали зеркальные окна, отливавшие синевой льдин. В одном из пышных залов висели портреты предков. Из старинных золоченых рам величественно и строго взирали на юнца основатели уральских заводов – прадед Никита Демидов и дед Акинфий Никитич. Находился тут и портрет батюшки Никиты Акинфиевича и матери Александры Евтихиевны. Из потускневших рам все они зорко следили за молодым Демидовым. Ему стало не по себе, и он ускорил шаг. Управитель провел Николая Никитича в отведенные покои. Они не отличались обширностью, но были опрятны, чисты: Директор конторы, как бы оправдываясь, сказал:

– Сами извольте видеть – безлюден наш дворец, а на содержание многие тысячи требует: отопление, освещение, ремонты, челядь... А нельзя! – огорченно развел он руками. – Прилику ради и славы благодетелей наших содержится сей дворец!

Данилов взглянул на Филатку, который прошел следом за Демидовым в отведенные покои, и строго сказал:

– Ты дядькой приставлен к господину и блюди его, ибо он еще млад и неопытен!

Филатка покорно поклонился управителю конторы:

– Будь покоен, Павел Данилович, перед Богом поклялся беречь нашего господина!

Николай Никитич от досады прикусил губу, налился румянцем. Его злило, что его все еще считают мальчишкой, и он успокоился только тогда, когда Данилов покинул комнату.

В доме застыла тишина. Казалось, весь мир был погружен в глубокое безмолвие.

– Ты займись хозяйством! – приказал он дядьке, а сам обошел весь дом.

Залы и небольшие комнаты были обиты штофом различных расцветок, уставлены хрупкой витой мебелью и дорогими вазами. За окнами наплывали сумерки, когда Николай Никитич покинул опустевшие покои, возвратился к себе и там снова застал Данилова. На этот раз на управителе был красный бархатный камзол, белоснежное кружевное жабо. Он выглядел важно и надуто.

– Ты выйди, не мешай нам! – приказал он дядьке.

Когда Филатка покорно вышел, управляющий Санкт-Петербургской демидовской конторы без приглашения уселся в кресло и положил на стол книгу в толстом переплете. С минуту он многозначительно молчал, барабанил пальцами по переплету, от чего на безымянном пальце нежными искорками засверкал перстень.

– В сей книжице записаны все доходы и расходы на содержание по дому, сударь! – строго начал он. – Волею господина нашего Никиты Акинфиевича указано нам, сколько будет вам отпускаться на приличествующее содержание. – Данилов говорил медленно, сильно окая, отчего слова его казались округленными и весомыми.

Некоторая вольность обращения и наставнический тон не понравились Демидову. Однако Николай Никитич сдержался и промолчал. Между тем управитель продолжал свою назидательную речь:

– Знайте, сударь, что Санкт-Петербург город великий и много в нем прошелыг, которые алчны и ненасытны. Никакими доходами не удовлетворишь всех. Много прогоревших господ шатаются по столице и рыскает, как бы за чужой счет поживиться. К тому же, сударь, прелестницы-метрески и прочие соблазны тут в изобилии! Наказано нам господином нашим крепко блюсти интересы ваши, сударь...

– Я не сударь вам, а господин! – вдруг резко прервал управителя Николай Никитич и поднялся из-за стола. – Вот что, холоп, я тут наследник всему. Слышал это?

Молодой хозяин насупился и пронзительно посмотрел на Данилова. По лицу управляющего прошла тень недовольства. Делая вид, что не замечает вспыльчивости молодого хозяина, он продолжал спокойно:

– То верно, что вы наследник, всему! Но пока батюшка ваш установили расходы, переходить их нельзя! Ведомо вам, господин мой, что доходы сии от заводов притекают. Оно верно, хвала богу, выплавка железа в Нижнетагильском заводе велика, и в Англию ходко оно идет, потому что нет во всем свете славнее нашего уральского металла. А с той поры, как англичанин Томас Фауль вошел в торговую сделку с вашим батюшкой, железо наше поплыло за океан, в Америку. Вот куда метнуло, господин мой... А все же надо беречь копейку, сударь... господин, – поправился Данилов, – ибо с копеечки Москва построилась, с невеликих денег и праотец ваш, покойной памяти Никита Антуфьевич, начал свое дело. Большим потом и превеликим трудом каждая копейка добывается на заводах. Вот оно как!

– Я один у батюшки, и мне на мой век хватит! – сердито отрезал Николай Никитич. – А потом – знай наперед порядок: когда разговариваешь с господином своим, чинно стоять полагается. Ишь расселся, борода, словно купец из Гостиного! – Глаза Демидова вспыхнули гневом. – Встать изволь, Данилов!

Управитель растерялся. «Откуда что и взялось», – удивленно подумал он, живо поднялся, и лицо его приняло строгое выражение. Он чинно поклонился молодому Демидову:

– Слушаю вас, господин!

– Я вызван ко двору государыни... Чтобы в короткий срок сделали экипировку. Гвардии сержанту надлежит явиться по форме. Не копейки считать я сюда прибыл, а воевать за свою жизнь и фортуна. Надо сие разумать, Данилов!

– Разумею, господин, – подавленным тоном отозвался управляющий. – Все будет сделано...

– А теперь иди! Устал я с дороги, и словеса твои ни к чему. Иди! – Он властно указал Данилову на дверь.

Присмиривший и покоренный, управляющий тихонько вышел из комнаты и за дверью столкнулся с Филаткой. Дядька с блудливым видом отскочил от замочной скважины.

– Ты у меня смотри, ершина борода! – пригрозил управляющий и сокрушенно вытер выступивший на лбу пот. Уходя в контору, он растерянно подумал:

«Вон куда метнуло! Демидовский корень!...»

Данилов с горестью понял, что кончилась его размеренная, чинная жизнь. Молодой хозяин принес с собой большие заботы и треволения...

2

Мундир гвардии сержанта отменно сшил лучший военный портной Шевалье; экипировка была в полном порядке, и Николенька порывался немедленно предстать перед князем Потемкиным. Письмо батюшки он тщательно берег и знал, что оно возьмем силу. Однако осторожный управляющий Данилов удерживал Демидова от визита.

– Потерпите малость, господин. Не в вашей выгоде сейчас ехать к князю, – уговаривал он Николеньку.

– Да ты откуда о сем знаешь, борода?

– Знаю-с! – многозначительно отозвался Данилов. – К сему есть верная примета! У подъезда его сиятельства нет карет – все отступились...

– Да что ты мелешь? – поразился Николенька.

– А то, что есть! Карет нет, выходит – обойден светлейший милостями государыни.

Николенька не знал, что придворная знать интриговала против Потемкина, стараясь его свалить. Сын княгини Дашковой, бывшей в милости и в доверии у государыни, передал све-

дения, порочившие князя. Было доложено императрице, что Потемкин допустил злоупотребления в устройстве Новороссийского края.

Потемкин жил в эту пору в царском дворце, в особом: корпусе. Из него вела галерея, и проход шел мимо апартаментов государыни. Всем придворным стало известно, что князь закрылся в покоях и не показывался несколько дней во дворце. Все покинули его. Всегда запруженная экипажами петербургской знати Миллионная, словно по мановению жезла, опустела. Вскоре Николенька и сам убедился в справедливости слов Данилова.

В ожидании перемены он пешком ходил по столице, любуясь красотой города. Екатерининские вельможи обзавелись великолепными дворцами. Фронтоны их были украшены массивными балконами с позолоченными решетками. Летом, по праздничным дням, на этих балконах играли хоры роговой музыки, привлекавшие гуляющую публику. Во всем великолепии зданий и дворцов чувствовалась талантливая рука русских зодчих. Но, что поразило Николеньку, в обществе почиталось за стыд признаваться, что все это величие создано русскими умельцами. Все наперебой старались хвалиться иностранцами, находя в этом особую прелесть. Придворные пустили молву, что отстроенный в Царском Селе дворец, в котором летом пребывала Екатерина Алексеевна, возведен якобы по плану итальянского зодчего Бартоломео Растрелли. Однако многие из осведомленных людей в столице знали, что возведение этого чудесного дворца начал в 1743 году по своему проекту русский архитектор Андрей Квасов. В 1745 году он уехал на Украину, и дворец достроил Савва Чевакинский, много внесший своего дарования в дивное творение. В столице знать всюду расхваливала архитектурный ансамбль Александро-Невской лавры, приписывая его творчеству Доменико Трезини, а на самом деле лавру возводил русский зодчий Михаил Расторгуев, умышленно забытый знатью. В народе знали, что бесподобный шереметевский дворец над Фонтанкой-рекой возвел не кто иной, как русский строитель Федор Аргунов... Во всем Николенька чувствовал преклонение перед иностранцами и, сам того не замечая, проникся преклонением перед ними. Особенно поразил Демидова невольский водный простор и скачущий Медный всадник. Об этом творении говорила вся Европа, а о том, что отливал статую русский литейщик Хайлов, не вспоминали.

Удивляло Николеньку необычайное сочетание прекрасных зданий с неустройством городских улиц. Плохие булыжные мостовые при езде по ним вытряхивали душу. Ночью улицы Санкт-Петербурга тускло освещались масляными фонарями, отстоявшими друг от друга на расстоянии ста пятидесяти шагов. В одиннадцать часов вечера огни гасились, и на столичных улицах водворялась тьма. Тишину лишь изредка нарушали переключки сонных будочников:

– Слуша-ай!

Иногда в ночном мраке раздавалось призывное:

– Караул!..

Но будочники или сладко посапывали в своих будках, или делали вид, что не слышали истошных криков...

В эту пору Демидову становилось страшновато, и он торопился засветло явиться домой.

В хождениях и любовании столицей прошла неделя долгих и томительных ожиданий. Ударил северный ветер, которые принесли холод и легкий снежок. Было синее морозное утро, когда в покои Николеньки поспешно вошел управитель и, ликуя, сообщил:

– Наша взяла, господин! Возьмите батюшкино письмо и, не мешкая, поезжайте к светлейшему!

– Что случилось?

– Все хорошо, Николай Никитич. Вся Миллионная запружена экипажами, проехать невозможно. Все вельможи поторопились к светлейшему. Вновь возвратилась к нему милость государыни нашей!

Мешкать не приходилось. Демидов нарядился в парадный мундир. К подъезду подали выездную карету.

«Чем бы удивить князя? Что поднести ему?» – обеспокоенно подумал он.

Однако пришлось отбросить эту мысль. Потемкина ничем нельзя было удивить. Все имело к его услугам: власть, чины, ордена, богатство, бриллианты. Любое приказание его исполнялось немедленно.

Николенька захватил лишь письмо батюшки.

Еле удалось въехать на Миллионную, столько теснилось на улице экипажей. Николенька легко взбежал по лестнице, крытой ковром, в приемную князя. Слуги с бесстрастными лицами распахнули перед ним дверь. Приемная блистала великолепием расшитых золотом мундиров, сверканием бриллиантов, украшавших прически дам. Весь вельможный Санкт-Петербург собрался сюда: первые министры государства Российского, увешанные орденами генералы, разодетые в шелка жеманные дамы. Николенька оторопел: ничего подобного ему никогда не приходилось видеть. Демидова подавила неслыханная расточительная роскошь, по сравнению с которой богатства отца и деда потускнели. Огромные зеркала отражали и умножали сияние бриллиантов и золота. Свет из золоченых люстр искрился в хрустальных подвесках и озарял своим сиянием дорогое убранство. Шелка, драгоценные камни, затейливые прически дам, их обнаженные молочного-белые плечи – все скорее походило на сказку, чем на действительность. Вся эта высокородная знать с нескрываемым удивлением и презрением посмотрела на переступившего порог приемной гвардейского сержанта. Весьма бойкий дома, Николенька здесь ступившись и робко подошел к адъютанту. Протягивая письмо, он сказал офицеру:

– Прошу вас доложить его светлости о Демидове и вручить сие письмо!

Упоминание фамилии Демидова несколько не тронуло адъютанта. С заученной учтивой улыбкой он ответил:

– Прошу вас, господин сержант, обождать!

Приемную наполнял легкий гул голосов, напоминавший полет роившихся пчел. Кавалеры и дамы с подчеркнутой учтивостью спешили поделиться светскими новостями. Только один Демидов, всеми забытый, не принимал участия в общем оживлении. Каким ничтожеством вдруг он показался себе!

Время тянулось медленно. За окном постепенно угасал серый день. Однако за массивной палисандровой дверью, богато отделанной инкрустациями и бронзой, царил тишина. Несколько раз адъютант уходил в апартаменты князя и возвращался с неизменной улыбкой.

– Как чувствует себя светлейший? – тревожно перешептывались ожидающие кавалеры и дамы. – Выйдет ли?

За окном темнела синевя вечера. Люстры засверкали ярче. Свет, дробясь в хрустальные подвески, сыпал искрами всех цветов радуги. А в это время с каждой минутой меркли лица ожидавших. Словно в отместку им за дни забвения, Потемкин так и не вышел.

– Не в духе князь, – разочарованно прошептал один из ожидавших в приемной вельмож.

– Хандрит...

– Ипохондрия... Ныне даже цирюльника прогнал...

– И это в день милости государыни...

Пугливо озираясь, шепотком переговариваясь, гости один за другим удалились. Миллионная пустела. В раззолоченных покоях установилось безмолвие.

А Николенька все сидел в углу в глубоком кресле и наивно ждал.

– Что же вы, господин сержант, выжидаете? – бесцеремонно спросил его адъютант.

Демидов поднялся и увидел, что письмо батюшки все еще сиротливо лежит на столе.

– Жду, когда вручите. Иначе не уйду отсюда! – набравшись духу, сказал он.

Адъютант улыбнулся. То ли храбрость молодого гвардейца покорила его, то ли он решил потешиться над неопытным офицериком, не испытанным на себе гнева светлейшего.

– Хорошо, письмо ваше, господин сержант, вручу немедленно! – вдруг уступчиво согласился он. – Только за последствия не ручаюсь!

Схватив со стола письмо, позванивая шпорами, он поспешно удалился во внутренние покои.

Спустя минуту Николенька слышал недовольное рычание, и вслед за тем из княжеских апартаментов выбежал раскрасневшийся адъютант.

– Прошу! – торопливо пригласил он Демидова и повел его за собой, сам распахивая перед ним двери. Николенька робел, но, скрывая это, твердой поступью шел за адъютантом, который раскрыл последнюю дверь и доложил громко:

– Демидов, ваша светлость!

В большой комнате, ярко освещенной люстрами, на широком диване сидел в незастегнутом халате одноглазый великан. Всей пятерней он с наслаждением чесал свою широкую волосяную грудь. Голубой, чуть навывкате глаз недовольно уставился на Демидова.

«Потемкин», – догадался Николенька и в немом восхищении застыл у двери.

Несмотря на халат, неряшливость, лицо князя и его рост поразили уральца. Перед ним сидел богатырь, могучий в плечах, с красивым холеным лицом.

Потемкин не сводил с гвардии сержанта пронизательного взгляда.

– Демидов! – заговорил он и поманил к себе. – А ну, покажись!

Николенька шагнул вперед и стоял перед князем ни жив ни мертв. Потемкин внимательно оглядел гостя.

– Дерзок! Как смел попасть мне на глаза?

– Батюшка приказал! – твердо выговорил сержант.

– Батюшка! – усмехнулся князь, и на мгновение сверкнули его чистые ровные зубы. – У батюшки твоего кость пошире и хватка похлеще! А ты – жидковат... В шахматы играешь? – неожиданно спросил он.

– Играю, ваше сиятельство, – поклонился Николай.

– Садись! – указал Потемкин на кресло перед шахматным столиком. Сам он удивительно легко и живо поднялся с дивана и уселся напротив Демидова.

Николенька поспешно расставил на доске фигуры. Князь молча оперся локтями на стол, зажал между ладонями свою крупную голову и внимательно смотрел на фигуры. Лоб у него был высокий, округлый. Потемкин поднял приятно выгнутые брови и глуховато предложил:

– Начинай, Демидов!

Николенька украдкой взглянул на руку Потемкина. На большом пальце князя блестел перстень из червонного золота, тонкая змейка, сверкая чешуей, обвила перст, глаза ее – из алабандина, а на жале искрой брызнул вкрапленный адамант. Пониже змеиной головки сиял камень хризопраз...

– Что же ты медлишь? – повторил Потемкин, и Николенька, быстро сообразив, передвинул фигуру.

Мисс Джесси не раз удивлялась преуспеванию питомца в шахматной игре. И как пригдилось это искусство Николеньке сейчас!

Потемкин двинул офицера, но Демидов, помедлив лишь минуту, понял его ход и передвинул пешку...

Погруженные в игру, они забыли обо всем. Казалось, все сосредоточилось на шахматной доске. Где-то звонко пробили куранты. Адъютант исчез...

Потемкин изредка отрывался от фигур, изумленно разглядывая Демидова. Николенька не щадил самолюбия князя: беспощадно наседавал и, сделав неожиданно удачный ход, весело объявил:

– Мат королю!

Князь вскочил, сбросил со стола шахматы. Голубой глаз его сверкнул, лицо налилось темно-сизым румянцем.

– Как ты смел позволить себе это! – взбешенно закричал он.

– Ваше сиятельство, игра велась по чести! – смело глядя Потемкину в глаза, вымолвил Николенька.

– Да я всегда выигрывал! – закричал князь и, ероша волосы, возбужденно прошелся по комнате.

– Я не знал здешних порядков, – учтиво ответил сержант.

– Шельмец! – не унимался Потемкин. – Выходит, меня надували?

Он набежал на Демидова, но юнец бестрепетно стоял перед ним, не сводя влюбленных глаз.

– Не нашелся покривить душой. Виноват, ваше сиятельство! – чистосердечно признался Николенька.

Внезапная улыбка озарила лицо Потемкина. Он засмеялся и хлопнул Демидова по плечу.

– Молодец! Потемкина не побоялся. Ай, молодец! Прямая душа! – Он снял с руки перстень – золотую змейку – и вручил сержанту: – Бери и уходи немедленно!

Николенька откланялся и стал отступать к двери. Они вдруг сами распахнулись, и перед Демидовым предстал улыбающийся адъютант. Провожая Николеньку через покои, он весело сказал ему:

– Вам повезло, господин гвардии сержант. Еще того не бывало, чтобы так быстро «в случай» попасть!

– Ну, это вы напрасно! – дерзко отозвался Николенька. – Демидовы не случаем славны, а заводами! – Шумно звеня шпорами, он стал быстро спускаться с лестницы...

3

Потемкин не забыл просьб Никиты Акинфиевича Демидова. Гвардии сержанта вызвали в полк и объявили ему, что он записан на предстоящую неделю в «уборные». В ту пору так именовались сержанты, вызываемые во дворец на дежурство. Обряженный в парадный мундир лейб-гвардейского Семеновского полка Николенька направился во дворцовую кордегардию. Голову сержанта украшал шишак, сделанный наподобие римского, со сверкающей серебряной арматурой и панашом страусовых перьев. Сума для патронов тоже была украшена серебром.

Явившийся к дежурному караульному офицеру Демидов был проинструктирован о поведении. Когда часы отбили десять, дежурный повел Николеньку в паре с другим сержантом на пост. Демидов оказался на часах перед кавалергардским залом. В это дворцовое помещение допускались военные только от капитана и лица, носящие дворянский мундир. За обширным залом находилась тронная, у дверей которой на часах стояли два кавалергарда. Не всякий генерал-поручик и тайный советник мог пройти в тронную. Только особое соизволение государыни открывало туда доступ.

Николенька застыл на часах. Его сотоварищ превратился в безмолвный столб. В большом зале сияли мундирами генералы, вельможи, бриллиантами – дамы, одетые в русские платья особого, парадного покроя. Для уменьшения роскоши государыней был введен род женских мундиров по цветам, назначенным для губерний. Однако придворные прелестницы находили возможность украшать драгоценностями и эти требующие скромности платья.

Несмотря на то что в зале пребывало много ожидающих выхода царицы, стояла тишина. Николеньку влекло неудержимое любопытство: он косил глаза в сторону кавалергардов и поражался их огромному росту и блестящему обмундированию. На офицерах были синие бархатные мундиры, обложенные в виде лат кованым серебром. Шишаки тоже были серебряные и весьма тяжелые. Сержант втайне позавидовал кавалергардам. До чего они были хороши!

Николеньке стало немного грустно, ему хотелось вздохнуть, но он только перевел взгляд на товарища и, подобно ему, старался не шевелить даже ресницами.

Ожидался выход государыни к обедне, и это держало Демидова все время в напряжении. Сколько с упоением рассказывал батюшка о государыне! В результате у Николеньки в душе сложился образ величественной, обаятельной женщины, и он готов был пасть к ее стопам. С замиранием сердца он ловил шорохи, идущие по дворцовому залу. Прошло много времени, когда, наконец, после томительного напряжения вдали послышался еле уловимый шум. Все взоры устремились на дверь, охраняемую кавалергардами. Отделанная бронзой и голубой эмалью, она отражала сияние огней, с утра зажженных в это серое петербургское утро. Легкое движение прошло среди ожидавших выхода. Готовые улыбки появились на лицах. Демидов догадался: из далеких внутренних покоев приближалась государыня.

Высокие двери красного дерева распахнулись. Сержант переглянулся с товарищем и затаил дыхание. Из анфилады дворцовых залов величаво, медленно приближалась государыня Екатерина Алексеевна в сопровождении Потемкина. Статный, в малиновом бархатном камзоле, он шел, улыбаясь государыне. Большая бриллиантовая звезда горела на левой стороне его груди.

Возбужденный рассказами отца, Николенька восторженно смотрел на приближавшуюся императрицу. Он ожидал увидеть роскошную, цветущую красавицу, величественную, с неотразимым взглядом.

Увы, государыня не отличалась красотой! Она была толста, сильно нарумянена, но даже густые белила и румяна не могли скрыть старческую морщинистую кожу. Царица выглядела старухой, одетой с претензией на красоту и молодость. Она двигалась медленно, и каждое движение, наклон головы сопровождалось сиянием драгоценных камней, украшавших прическу государыни. Седые волосы у нее были зачесаны кверху, с двумя стоячими буклями за ушами. Вокруг головы располагались короной самые крупные и ценные бриллианты. Они имели форму ветки, каждый листок которой прикреплялся к сучку посредством крупного бриллианта. Около больших камней помещались более мелкие по зубчикам листьев. С обеих сторон этого великолепного убора красовались два громадных сапфира...

Насколько ослепительно сверкали драгоценные камни, настолько усталыми и потухшими были глаза государыни.

Все низко склонили головы, а дамы присели в плавном реверансе. Государыня шла вперед с застывшей, безжизненной улыбкой. Сопровождавший ее Потемкин выглядел превосходно. Он пленял Николеньку своим ростом, могучеством и свежестью лица.

Сержант уловил веселый взгляд князя, и ему показалось, что Потемкин слегка наклонил голову в сторону государыни и что-то шепнул ей. Не успел Демидов прийти в себя, как государыня оказалась уже рядом. Усталый взор царицы скользнул по сержанту слева и вдруг остановился на Демидове.

Государыня с минуту задержалась подле него, и на Николеньку неприятно пахнуло: то ли от болезни, то ли от иной причины – от царицы тяжело пахло.

– Ваше Величество, это и есть сын Демидова! – чуть слышно сказал ей Потемкин.

Государыня прищурила глаза, улыбнулась:

– Надеюсь, господин сержант, вы будете столь же ревностно служить трону, как ваш дед и отец!

Голос царицы оказался глуховатым и неприятным. Не слушая ответа Николеньки, она медленно удалилась. А рядом с ней, сдерживая шаги, весь сияя и свысока рассматривая знать, шел Потемкин.

Демидов разочарованно подумал: «Где же то, что я ожидал увидеть?»

Он перевел глаза и увидел слегка сутулую спину и седые букли государыни. Просто не хотелось верить, что это и есть повелительница огромного государства, воспетая в одах Державина...

4

В первый же день пребывания в полку молодой Демидов познакомился с гвардии поручиком Свистуновым. Рослый, подтянутый красавец с роскошными пушистыми усами браво подошел к сержанту и наглыми серыми глазами оглядел его.

– Свистунов! – запросто представился он. – О тебе наслышан. Сказывали! Из толстосумов...

Он говорил отрывисто, энергично, без стеснения повернул Николеньку, осмотрел с головы до ног. Демидов был строен, с нежным девичьим лицом, в форме гвардейца выглядел неотразимо. Поручик остался доволен осмотром, похлопал Демидова по плечу:

– Хорош! Чудесен! Ну, братец, поздравляю! Среди столичных дам успех будет превеликий!

Сержант хотел обидеться на бесцеремонность Свистунова, но только покраснел и смущенно промолчал. Поручик взбил короткими пальцами, на которых сверкнули драгоценные перстни, пушистые усы.

– Понимаю, братец, не обстрелян пока! Придет первое дело, и смелость обретишь. Погоди, не одну штурмом брать будем!

Николенька гуще залился краской.

– А служба когда же? – наивно спросил он.

– Служба? – как бы удивленно спросил Свистунов. – Ты что, братец, ради службы в столицу да в гвардию изволил прибыть? Выслуживаются, Демидов, тут не в полку, а на паркет! Служба, братец, и без нас исправлена будет. Солдат выправит! Господину офицеру наипервейшее дело метреску завести, хорошо пунш пить, в карты играть! Разумей, дорогой, на свете есть три вещи, которые для господ офицеров превыше всего, – карты, женщины и вино!

– А долг воинский? – осмелев, смущенно вымолвил сержант.

– Долг воинский? – возвысив голос, повторил поручик. – Придет время, и умирать будем. Русский солдат – наилучший в мире: терпелив, вынослив, храбр, находчив, благороден и земле родной предан до самоубийства! Он не выдаст, не подведет, братец! Русского солдата сам черт боится!

В эту минуту через комнату проходили два офицера с бледными усталыми лицами. Гремя шпорами и саблями, вялой походкой они прошли в приемную полкового командира.

– Фанфаронишки! Пустомели! За тетушкиными хвостами укрываются! – сквозь зубы злобно процедил Свистунов. – В полку бывают дважды в год. С ними не играй, братец, обчистят в полчаса. Идем отсюда! – Он увлек Демидова на улицу.

Ведя сержанта под руку, поручик дружески спросил:

– Червонцы есть?

Удивленный вопросом, Николенька промолчал.

– Не беспокойся! В долг не беру и сам не даю! – предупредил Свистунов. – А для знакомства нужно, братец, бокал поднять. Время? – Поручик вынул золотой брегет и посмотрел на стрелки. – Пора, Демидов! В «Красный кабачок» на Петергофской дороге. Ах, братец, какие там прохладительные напитки, вафли и...

Остальное он досказал многозначительным взором. Николенька повеселел. Вот когда пришел долгожданный час веселья. Все почтительные и нудные поучения Данилова мгновенно вылетели из головы. Он радостно взглянул на Свистунова. В поручике ему положительно все нравилось: и то, что он хорошо, со вкусом одет, подтянут, и то, что держится с достоинством.

Перед подъездом ожидала карета, а подле нее вертелся дьячок Филатка, одетый в новенькую темно-синюю поддевку, но все с тем же грязным платком на шее – так и не расставался он со своими спрятанными червонцами.

– Твой выезд? – кивнув на карету, спросил поручик.

– Мой! – с удовольствием отозвался Демидов и ждал похвалы поручика. Однако Свистунов весьма небрежно оглядел коней.

– Плохие, братец! – сказал он строго. – Толстосуму Демидову коней надо иметь лучших! Золотистых мастей! Погоди, выменяем у цыган! Ты ведь один у батюшки? А это что за морда? – показал он глазами на Филатку.

– Дядька мой!

– Прочь, оглашенный! – прикрикнул на Филатку поручик, но дядька нисколько не испугался гвардейского окрика. Он проворно вскочил на запятки кареты и закричал:

– Без Николая Никитича никуда не уйду! Дите!

– Черт с тобой, езжай! Но запомни: барин не дите, а господин офицер лейб-гвардейского полка.

Свистунов по-хозяйски забрался в демидовскую карету и пригласил Николая Никитича:

– Садись, братец, славно прокатим. Эй, ты! – закричал он кучеру. – Гони на Петергофскую дорожку, да побыстрей, а то бит будешь!

Поручик самовластно распоряжался, и Николенька подчинился ему: не хотелось молодому Демидову опростоволоситься перед блестящим гвардейцем. Без Свистунова он был бы сейчас как рыба без воды. С этой минуты он всей душой прирос к поручику.

Со взморья дул холодный, пронзительный ветер. Наступали сумерки, и на Петергофском шоссе было оживленно: вереницы экипажей – самые роскошные кареты и простая телега крестьянина, наполненная всевозможной поклажей, – стремились за город. Скакали конные, чаще гвардейцы, которые не могли пропустить своим ласкающим взором ни одной из дам, сидевших в экипажах. Петербургские модницы в роскошных туалетах, нарумяненные и напудренные, не оставались в долгу, отвечая на призывный взор гвардейцев томной улыбкой.

На седьмой версте от Санкт-Петербурга, в соседстве с грустным кладбищем, шумел, гремел «Красный кабачок». Ожидая гуляк, лихие тройки нетерпеливо били копытами, гремели бубенчиками.

– Прибыли! – закричал Свистунов и первый выскочил из экипажа. – За мной, Демидов!

– Куда вы, батюшка Николай Никитич? – бросился к хозяину дядька. – В этакое вертепе разорят поганые, опустошат!

– Не мешай! – с неудовольствием отодвинул его Демидов и поспешил за поручиком.

В большом зале былолюдно, шумно и дымно от трубок. Впереди, под яркой люстрой, вертелись в лихой пляске цыгане. Черномазые, кудрявые, они плясали так, что все ходуном ходило вокруг. Разодетые в пестрые платья молодые цыганки, обжигая горящими глазами, вихляя бедрами и плечами, кружились в буйном плясе. Высокий носатый цыган с густой черной бородой, одетый в бархатную поддевку и в голубую рубашку, бил в такт ладошами и выкрикивал задорно:

– Эх, давай, давай, радость моя!

Шумные гости – гвардейские офицеры, дамы – с упоением смотрели на цыганскую пляску.

– Свистунов! – энергично окликнул поручика кто-то из гуляк, но тот, схватив за руку Демидова, увлек его в полутемный коридор. Навстречу гостям вынырнул толстенький кудлатый цыган.

– Отдельный кабинет и вина! – приказал Свистунов. – Сюда! – показал он на дверь Николаю Никитичу.

Цыган, угодливо улыбаясь, посмотрел на поручика.

– Вина и Грушеньку, душа моя! – обронил Свистунов. – Песни расположены слушать.

Все было быстро исполнено. Только что успели офицеры расположиться в комнате за столом, уставленным яствами и винами, как дверь скрипнула и в кабинет неслышно вошла

молоденькая и тоненькая, как гибкий стебелек, цыганка. Большие жгучие глаза ее сверкнули синеватым отливом, когда она быстро взглянула на гостей. Демидов очарованно смотрел на девушку. Одета в легкое пестрое платье, с закинутыми на высокую грудь черными косами, она прошла на середину комнаты. Склонив головку, тонкими пальцами она стала быстро перебирать струны гитары. Робкий нежный звук легким дыханием пронесся по комнате и замер. С минуту длилось молчание, и вдруг девушка вся встрепенулась, взглянула на Свистунова и обожгла его искрометным взглядом.

– Грушенька, спой нам! – ласково попросил он. Неугомонный гвардейский офицер стал неузнаваем: притих, размяк; ласково он смотрел на цыганку и ждал.

– Что же тебе спеть, Феденька? – певучим голосом спросила она.

Простота обращения цыганки с гвардейским поручиком удивила Демидова; очарованный прелестью юности, он неотрывно смотрел на девушку и завидовал Свистунову.

– Спой мою любимую, Грушенька! – сказал поручик и переглянулся с цыганкой.

И она запела чистым, захватывающим душу голосом. Николай Никитич поразился: цыганка пела не романс, а простую русскую песню:

Ах, матушка, голова болит...

Как пленяла эта бесхитростная песня! Словно хрустальный родничок, словно звенящая струйка лилась, так чист, свободен и приятен был голос. Грушенька сверкала безукоризненно прекрасными зубами, а на глазах блестели слезинки. Подперев щеку, Свистунов вздыхал:

– Ах, радость моя! Ах, курский соловушка, до слез сердце мое умилила!..

Цыганка умоляюще взглянула на поручика, и он затих. Сидел околдованный и не мог отвести восхищенных глаз. Не шевелясь, сидел и Демидов. Что-то родное, милое вдруг коснулось сердца, и какая-то невыносимо сладкая тоска сжала его.

Голос переходил на все более грустный мотив, и глаза цыганки не поднимались от струн. Словно камышинки под вихрем, она сама трепетала от песни...

Демидов неожиданно очнулся от очарования, рядом зарыдал Свистунов. Схватясь пальцами за темные курчавые волосы, он раскачивался и ронял слезы. Цыганка отбросила гитару на диван и кинулась к нему:

– Что с тобой, Феденька?

– Ах, бесценная моя радость, Грушенька, извини меня! – разомлевшим голосом сказал поручик. – Твоя песня мне все нутро перевернула.

Она запросто взяла его взъерошенную голову и прижала к груди.

– Замолчи, Феденька, замолчи!

Он стих, взял ее тонкие руки и перецеловал каждый перст.

– Хочешь, я теперь романс спою? – предложила она и, не ожидая согласия, запела:

Милый друг, милый друг, сдалеча поспеши!..

Плечи ее задвигались в такт песни, стан изгибался. И как ни хороша была в эту минуту цыганка, но что-то кабацкое, вульгарное сквозило в этих движениях. Очарование, которое охватило Демидова, угасло.

Перед ним была обычная таборная цыганка. Николай Никитич прикусил губу.

– Грушенька, бесценная, не надо этого! – поморщился Свистунов.

Она послушно на полуслове оборвала песню и уселась рядом с ним.

– Уедем, радость моя! Уедем отсюда – ко мне, в орловские степи! – жарко заговорил Свистунов.

Цыганка отрицательно покачала головой.

– Убьет Данила! Да и куда уедешь, когда нет сил покинуть табор! – печально отозвалась она. – Не говори о том, Феденька!

Поручик взглянул на Демидова.

– Ну, если так, гуляй! Своих зови!..

Кабинет так быстро заполнился цыганами, словно они стояли за дверями и ждали. Цыганки, в цветистых платьях и шалях, с большими серьгами в ушах – старые и молодые, – начали величание. Цыгане, в цветных рубахах под бархатными жилетами, запели.

Свистунов полез в карман и выбросил в толпу горсть золотых. И разом все закружилось в буйной пляске. Огонь и вихрь – все стихии пробудились в ней. Сверкающие глаза смуглых цыганок, полуобнаженные тела, трепетавшие в сладкой истоме под лихие звуки гитар, пляски удалых цыган захватили Демидова.

В круг бешено плясавших ворвался сам Данила и завертелся чертом. Он пел, плясал, бесновался, брэнчал на гитаре и кричал во все горло:

– Сага баба, ай-люли!

Вся тоска отлетела прочь, от сердца отвалился камень. Буйные и шальные напевы подмывали, и молодой Демидов пустился в пляс...

Груша все еще сидела рядом с поручиком и, опустив голову, нежно разглядывала перстень с голубым глазком.

Разгоряченный, охваченный безумием пляски, Данила, однако, успевал зорко следить за цыганкой. И когда Свистунов обнял ее, он вспыхнул весь и закричал девушке что-то по-цыгански. Груша вскочила и ворвалась в круг. Данила громче ударил в ладоши и яростнее запел плясовую...

Ночь прошла в шумном угаре. Николай Никитич впервые был пьян. Свистунов оставался неизменным. Цыгане пили вино, разливали его, шумели, – разгул лился через край. Пошатываясь, Демидов вышел в коридор, ощупал кошелек и с огорчением подумал: «Все, выданное батюшкой, спустил...»

За окном прогремели бубенчики: гуляки покидали «Красный кабачок». Зал опустел. Николай Никитич вернулся в комнату и мрачно предложил:

– Пора и нам!

Он полез за деньгами, но поручик решительно отвел его руку:

– За все плачу я! Слышишь? – Он выхватил пачку ассигнаций – и вручил Даниле: – Бери!

Цыган жадно схватил деньги и упрятал под жилет.

– Эх, черт! – горестно выкрикнул Свистунов цыгану. – Погасил ты мое горячее счастье...

Ну, Груша, прощай!..

Цыганка мелкими шагами подбежала к нему и поцеловала в сухие губы.

– Это можно, в нашем обычае! – спокойно сказал Данила и поклонился гостям: – Благодарим-с, господа!

– Сатана кабацкая! – отвернулся от него поручик. – Идем, Демидов, отсюда!

Оба вышли из кабака. На востоке ясно село небо. Запоздалые тройки уныло стояли у подъезда. Из-за угла выбежал Филатка и пожаловался Демидову:

– Батюшка, почитай, все спустили! Эти сатаны умеют подчистую господ потрошить! – Он взглянул на восток и часто закрестился: – Спаси, господи, нас от цыганской любви! Она, как пламень, пожрет все, а после нее только и остается один пепел да пустой кошелек!

– Слышишь, Демидов? – сказал поручик, забираясь в карету. – Твой холоп, поди, и не знает, что есть возвышенное чувство? Ах, любовь, любовь! – вздохнул он и зычно закричал ямщику: – Погоняй!

Над Санкт-Петербургом стояла синяя дымка. Дорога еще была пустынна, и в свежести осеннего утра особенно грустно заливались бубенцы под дугой...

5

Всю неделю колобродил Демидов с однополчанами.

После бурно проведенной ночи он до полудня отсыпался, затем приказывал закладывать карету и снова выбывал в город.

Столичные увеселения увлекали старых и молодых. Вся петербургская знать восторгалась новым балетом «Шалости Эола», в котором пластикой и грацией танца пленял знаменитый танцовщик ле Пик. Демидов, который досель не видел ни балета, ни театра, был ошеломлен. Разве мог он пропустить хотя бы одну постановку и не полюбоваться на привлекательных русских балерин Наточку Помореву и Настюшу Барилеву? Что могло быть очаровательнее этих созданий? И как можно было не сделать им презента и не увлечься? На Царицыном лугу имелся театр, а в нем подвизалась русская вольная труппа. Крепостной певчий Ягужинского – Михайло Матинский написал и поставил презабавную оперу «Гостинный Двор». Все роли игрались актерами до слез уморительно. После театра Свистунов непременно увозил Демидова в значные места, в которых так умело опустошались господские кошельки...

Напрасно Данилов приступал к Николенке с уговорами – ничто не действовало. Демидов презрительно выслушивал тирады управителя и, махнув рукой, отговаривался:

– Все сие известно издавна! Запомни, Данилов: настоящее веселье бывает в младости, и на мое счастье выпали великие капиталы батюшки!

– Да нешто их по ресторациям да по цыганам проматывать надо? Капитал всему хозяин. Без него и заводы станут...

Только от дьячка Филатки не было избавления. Он не отставал от Николенки, всюду его сопровождая. Не успеет Демидов и рот раскрыть, а дьячка уже громоздится на козлах. На все протесты господина у него находился один ответ:

– И, батенька, ругайте не ругайте, все равно не оставлю вас. Мне доверено ваше драгоценное здоровье, и я в ответе за него!

Когда экипаж трогался, он толкал кучера в бок:

– Ты, парень, небось все перевидал в столицах, а я родился в лесу и молился колесу. А бабенки и тут – бывают впрямь хороши, только вся беда – худы телом. Тьфу, прости господи, Вавилон здесь, и у доброго человека голова закружится, глядя на все это.

Кучер – плечистый мужик, в синей поддевке и в круглой шапочке с павлиньими перьями, свысока разглядывал Филатку:

– Ты бы, пономарь, хоть лоскут с шеи скинул. Стыд на людях тряпицу носить.

– Да нешто это тряпица? – возмущался Филатка. – Это шейный платок, притом заветный. Сибирская зазноба поднесла!

– Ну-ну, хватит врать! Какая дура ухватится за тебя! Одна ершиная бородка стоит алтын, да рубль сдачи! – насмешливо разглядывал кучер тощую растительность на хитрой мордочке дьячка.

Управителя санкт-петербургской конторы Данилова сильно тревожило поведение демидовского наследника.

– Закружил, завертел! С цепи сорвался малый. Не сходить ли к светлейшему, – одна надежда и спасение. Приструнит, не посмотрит, что Демидов!

Он всерьез подумывал добратся до Потемкина и просить уговорить не в меру расходившегося Демидова.

Николенка так разгулялся, так свыкся с поручиком Свистуновым, что на все махнул рукой. Столичные увеселения целиком захватили его, и в полк он больше не являлся. В эти дни его увлекли разные прелестницы. Все они нравились и одновременно не нравились ему. Назойливые, бесстыдные и жеманные, они отталкивали его своею бесцеремонностью и опусто-

шенностью. Среди них только одна цыганка Грушенька запечатлелась сильно. Но Грушенька была «предмет» Свистунова...

«Эх, мне бы ее! – с досадой думал он. – Я бы уволок ее в уральские горы».

Но тут в памяти вставал грозный батюшка, и Демидов остывал...

В одно туманное утро Николенька и Свистунов возвращались домой с очередной попойки. Лихая тройка пронесла их по шоссе, кони прогремели копытами по мосту через Фонтанку-реку и вынесли в Коломну. Впереди, среди оголенной рощицы, высилась церквушка Покрова. Из высоких стрельчатых окон лился бледный свет лампад.

– Стой! – крикнул Свистунов кучеру. – Давай, брат Демидов, зайдем в церквушку. К Богу потянуло...

Следом за поручиком Николенька вошел в притвор. Там, в полутьме, мерцали одинокие восковые свечечки. Было тихо, благостно. После шумной ночи Демидов сразу окунулся в другой мир. Тут, в притворе, он увидел потемневшую картину Страшного суда: рогатых дьяволов и грешников, влекомых в огонь... А рядом с устрашающей иконой, склонив головку, в полумраке стояла хорошенькая монашка с кружкой на построение храма. Золотистые блики от восковых свечей падали на ее лицо. Николенька взглянул в большие глаза сборщицы, и по сердцу прошла жаркая волна.

– Как тебя звать? Откуда ты? – тихо спросил он.

Монашка подняла холодные глаза, они блеснули, как синеватые льдинки.

– Инокния Елена, – с достоинством отозвалась она и протянула кружку. – Пожертвуйте, сколько в силах!

Чудеснее всякой музыки показался ее голос Николеньке. Он поспешно полез в карман.

– Эх и хороша голубка! С огоньком, шельма! – бесцеремонно взял ее за приятный подбородок Свистунов.

Монашка изо всей силы ударила поручика по руке:

– Не смей, барин!

– О-о! – удивленно взглянул на нее гвардеец. – Гляди, Демидов, и зубки есть! Хороша порода!

Николенька не слушал друга. Строгость сборщицы ему была приятна. Он открыл кошелек и все золотые, которые берег до случая, со звоном опустил в кружку. Глаза монашки расширились от изумления, и руки чуть-чуть задрожали от волнения.

– Вот, Аленушка, все тебе отдал! И сердце готов! – ласково сказал он.

– Спасибо, барин. Только я не Аленушка, а инокия Елена! – сдержанно сказала она. – А сердце свое добрым делам отдайте!

– Дай я тебя поцелую! – осмелел вдруг Николенька и потянулся к ней.

Монашка заслонила лицо кружкой и пригрозила:

– Гляди, матушке Наталии пожалуюсь...

– А что нам твоя матушка, если мы самого черта не боимся! – рассмеялся Свистунов и попытался поймать ее за руку. – Милая Аленушка, будь сговорчивей!

Со страхом глядя на красивых гвардейцев, монашка отступила в церковь. Они тоже вошли под своды храма. Две старушки стояли у колонн и шевелили бескровными губами. Дребезжащий голос попики наполнял пустынную храмину. Монашка легкой походкой прошла вперед и опустилась перед образом. Она ни разу не оглянулась, впилась взором в икону. Стараясь не бряцать шпорами, гвардейцы, томясь, долго стояли в углу.

– Хороша шельма! – с молитвенным выражением на лице шепнул Свистунов. – О Господи!.. – Он часто закрестился, возвел очи горé и завздыхал: – Пресвятая Богородица, сколько соблазнов рассеяно на человеческом пути в юности... Ей-ей, она получше моей Грушеньки...

– Перестань! – сердито обрезал Николенька. – Аленушка про меня писана. Заклинаю тебя, не мешай!

– Боже, спаси меня и помилуй! – нарочито громко, покаянно взмолился Свистунов...

Что творилось в эту минуту в душе молодой сборщицы, – больше всего волновало Николеньку. Впервые в его жизни сердце защемило сладкой любовной тоской. Синие глаза Аленушки покорили его своей безмятежностью. Разбивая очарование, поручик возмущенно прошептал другу:

– Ну и дурак же ты, Демидов! Все золото сразу высыпал! Это же поповские глаза, разве их насытишь!

Николенька не хотел слушать. Он недовольно повел плечами.

«Оглянись, оглянись, голубка!» – мысленно призывал Николенька, не сводя глаз с девушки.

Словно угадывая его призыв, кланяясь образу, монашка, украдкой взглянула на Демидова. И Николеньке почудилась ответная ласка в этом взоре. Неожиданно осмелев, он подошел к ней, опустил в кружку последний рублевик и прошептал:

– Люблю! Ой, как люблю...

Как горячее дыхание, пронеслось это и коснулось ее слуха. Она ниже склонила головку, а он, чуть слышно позвякивая шпорами, удалился на свое место и потянул Свистунова за рукав:

– Уйдем, тут больше нечего делать!

Они вышли на паперть. Со взморья тянуло густым туманом. Большой каменный город, пробуждаясь, наполнялся шумом. Вездесущий Филатка немедленно подвернулся Николеньке под руку и зашептал ему укоризненно:

– Нехорошо, батюшка, совращать духовное лицо!

– А разве ты видел ее? – удивился Демидов.

– Все видел, батюшка. Слов нет, хороша! Ой, и до чего хороша! Да и вы, батюшка, красавец. Ой-ой, на архангела Гавриила сейчас похожи... Только грех, большой грех – с духовным лицом!..

Глубокая заноза засела в сердце Николеньки: он засыпал и просыпался с мыслью об Аленушке.

Два дня спустя он вместе со Свистуновым ранним утром отправился к Покрову. Все так же под сводами горели редкие лампадки, те же безмолвные старушки шевелили морщинистыми губами. Увы, монашки ни в храме, ни в притворе не было!

– Езжай к Симеону! – приказал Демидов кучеру.

Но и в церкви Симеона он не встретил знакомых синих глаз. Гвардейцы объездили все церкви и церквушки и нигде не встретили сборщицы. Николенька упал духом, заскучал.

– Ах, Свистунов, один раз улыбнулось счастье, и то угасло! – с глубокой скорбью пожаловался он поручику.

– Ты что ж, и впрямь полюбил девку? – строго спросил Свистунов.

– Полюбил, сильно полюбил! – признался Николенька.

– Эх, любовь, любовь! – вздохнул Свистунов. – Из-за нее ни зги не видать. И себя потерял и от людей отошел!

– Что же теперь делать? – спросил юнец, и в голосе его прозвучала искренняя сердечная боль. – Как найти ее? Санкт-Петербург велик, ищи песчинку в море!

– А ты у своего Филатки спроси! Он из духовных и нравы этих бестий досконально знает! Эй, Филатка! – позвал Свистунов.

Дьячок насторожился.

– Послушай, церковная крыса, где нам отыскать Аленушку?

Филатка почесал в затылке.

– Монашку? – догадался он. – Известно где: на то и курица, чтобы в курятнике жить, а монашествующая девка – в монастыре. А какой монастырь в Санкт-Петербурге для инокинь? Известно какой! Новодевичий...

– Видишь! – похвалил Свистунов. – Рыбак рыбака чует издалека. Эй, погоняй в монастырь!

– Пощадите, батюшка! – взмолился Филатка. – Сами в грех по уши завязли и меня с собой в адскую пучину ткнете!

– Гони коней! – прикрикнул поручик, и коляска понеслась к Московской заставе.

Филатка оказался прав, и час этот был удачным для Демидова. Оставив карету у монастырских ворот, гвардейцы прошли за ограду. По дорожке к церкви шла бледная и скучная Аленушка.

Завидев Николеньку, она вспыхнула, глаза ее озарились радостью, но тут же, спохватившись, смущенно потупила взор.

– Аленушка! – вскричал Николенька. – Мы весь Санкт-Петербург обрыскали, отыскивая тебя!

Она молча шла впереди, не поднимая головы. Гвардеец не отставал, страстно нашептывая:

– Жить не могу без тебя!

Она приостановилась, подняла на Демидова синие глаза. В них заблестели слезинки.

– Зачем смутили мою душу! – с тоской сказала она.

– Я хочу видеть и слышать тебя! – воскликнул Николенька.

Монашка степенно пошла к церкви, оставив гвардейцев на дорожке.

– Боже мой, что делать? – горестно вырвалось у Николеньки.

– Ну, брат, пустяки! Дело в порядке. Нельзя больше колебаться: атака, приступ, победа!

– Как?

– Очень просто, Демидов. Взгляни на себя: Господь Бог наградил тебя смазливой рожей.

А это все!

– Лицо у меня девичье! – со вздохом признался сержант.

– Вот это и хорошо! Ты по виду совершеннейшая девица! – вразумительно сказал Свистунов и посоветовал: – Одеть тебя в платье, и всякий за девицу примет, ничтоже сумняшеся. Понял?

– Ничего не понимаю! – недоумевающе посмотрел на друга Николенька.

– С завтрашнего дня ты моя сестра Катюша и желаешь вкусить иноческую жизнь. Я тебя представлю сюда на испытание, ну ты и поживешь! – Глаза поручика сверкнули озорством.

Николенька засиял.

– Свистунов, братец мой, дай расцелую. А она не закричит?

– Да что ты, милый! По глазам видно: согласна с тобой хоть в омут головой!..

6

Свершилось небывалое: дядька Филатка по настоянию Николеньки пригубил чарку. Ничего – легко прошла! За ней – вторую. Еще веселее прокатилась.

– Я о том и говорил: первая – колом, вторая – соколом, а потом – мелкими пташками! – смеялся Свистунов и подбадривал дядьку: – Пей, пей, дьякон! Пити – веселие Руси. Так, что ли, в Законе Божьем сказано?

– Так, батюшка, так! – охотно согласился Филатка и осушил третью чару. Скоро дьячок захмелел и мертвецки пьяным свалился у кабацкой стойки. Вечерело, когда он очухался под забором. Ни барина, ни кареты. Хвать, и шейный платок с червонцами исчез.

– Караул! – завопил дьячок. – Дотла обчистили и барина похитили!

Набежали будочник, квартальный и стащили очумевшего с похмелья Филатку в участок.

– Батюшки, не губите, барина потерял! – завопил он. Дьячок упал на колени и повинулся: сколько лет не брал в рот хмельного – зарок перед Богом и господином дал, а тут разрешил! – размазывая слезы, с горьким сокрушением рассказал он квартальному про свою беду.

Уставившись в мочальную бороденку дьяка, квартальный вдруг загрохотал хриплым басом:

– Ха-ха-ха! Гвардейцы – известное дело! Пошалили малость! – Он хохотал до колик и хватался за бока. А когда отошел от смеха, вдруг сдвинул брови и поднялся со скамьи. – А это видел? – сунул он под нос Филатки волосатый кулак. – Сгинь, шишига! По-пустому караул кричал! – Он сгреб его за шиворот и выбросил за порог.

Дьячок долго кружил по площадям и улицам, боясь предстать перед управителем. Когда же появился перед ним, поразился: Данилов не топал, не кричал, а повалился на стул и, пуча серые жабы глаза, все спрашивал:

– Что теперь будет? Куда запропастился Николай Никитич? Матушка ты моя, запрет нас Никита Акинфиевич, сгноит в погребнице! Ох, милые мои!

Толстый, плешивый, всегда такой внушительный, он вдруг стал жалким и растерянным.

– Что же ты глядел, дурья твоя голова! – укорял он дьячка.

Филатка потер ладонью длинную тощую шею.

– Где тут было глядеть, когда и свое добро упустил! – скорбно пожаловался он...

Весь день оба обсуждали: куда мог скрыться Демидов? Под страхом батогах допросили кучера, и тот поведал:

– Верно, отвозил барина к Свистунову. Стоял час. Барин загостился, вместо него вышел поручик с ихней сестрицей и сказал: «Отвези в монастырь». Известное дело, отвез...

– А куда же девался Николай Никитич? – наседали на кучера Данилов.

– Господин Свистунов сказал, что барин пешим пошел.

Николенька как в воду канул. С большой осторожностью управитель объявил квартальному о беде. Тот и ухом не повел.

– Закутил барское чадушко! – с насмешкой отозвался он. – В столице всякое видано!

На третий день пришла горшая беда, – в демидовскую контору примчался курьер и объявил Данилову: его благородие гвардии сержанта Демидова князь Потемкин требует!

А где отыскать его благородие гвардии сержанта, если третьи сутки ни его, ни Свистунова?

«Большая гроза будет», – с ужасом подумал Данилов, тщательно обрядился в бархатный кафтан, надел парик и поплелся с повинной к светлейшему. Долго он сидел в обширной приемной, пока его допустили к князю.

Войдя в гостиную, он брякнулся Потемкину в ноги.

В расшитом золотом халате, в туфлях на босу ногу, князь удивленно разглядывал демидовского слугу.

– Ты почему здесь? Мне Демидов нужен! Где он?

– Ваше сиятельство, батюшка, пропал демидовский сынок, ой, пропал! Не сносить мне головы!

– Вставай, дурак! – Потемкин ткнул ногой в бок управителя. – Как так пропал? Где это слышано, чтобы в Санкт-Петербурге пропал гвардеец? Найти, живо отыскать!

– Ума не приложу, где искать! – взмолился Данилов.

Потемкин запахнул халат, прошелся по комнате. В руках его был длинный черешневый чубук, он затянулся и пустил клубы дыма. Управитель не поднимался с колен. Его беспомощный, растерянный вид разжалобил князя.

– Скажи, борода, за кем Демидов волочился? – улыбаясь, спросил он.

– Дядька сказывал, к монашке приставал...

– О! – удивленно поднял брови Потемкин. – В монастырский курятник забрался сержант. Эх ты, чумазый, вот где надо искать господина сержанта. Живо! Квартальному наказать!

В Новодевичьем монастыре в ту пору поднялся переполох, ударили в набат. Подоспевший к обители Данилов и квартальный диву дались: ни дыма, ни огня. Стало быть, не пожар. Бросились в покои к игуменье Наталии.

– Что стряслось в обители, матушка? – смиренно стали допытываться они. – Ни огня, ни дыма, а набат?

– Ах, голубчики, отцы вы наши! Несчастье совершилось. От века тут подобного не слышано. В инокиню Катерину бес вселился!

– Не может этого быть, матушка! – поразился квартальный. – В моем околотке да такое... Нет, тут что-то не то, матушка. Бес?..

– Истинно бес! – гневно выкрикнула игуменья. – Судите сами, отцы мои, девица Катерина – сестра поручика Свистунова – мужчиной оказалась!

– Неужели? Господи, да что градоначальник скажет! – завопил в свою очередь квартальный.

– Верно, бес... Он все! Он – враг рода человеческого! Такая девица богомольная, почтительная была – и вдруг... Ах, господи, мы ее с инокиней Еленой в одной келье держали!..

– Да где же этот бес? – просияв, спросил Данилов.

– А там, на колокольне, заперли его. А он, проклятый, в набат! На всю столицу теперь на обитель поношение.

– Благослови, матушка! – Квартальный и управитель бросились к звоннице.

Самая храбрая из инокинь отперла им железную дверь, а другие монашки шарахнулись в сторону. Лица побледнели у них, глаза испуганные. Вот-вот из двери выбежит бес...

Одна Аленушка тихо стояла в отдалении и молчала.

Квартальный вызвал будочника, и тот, погромыхая алебардой, полез вверх. За ним, опасливо озираясь, стали подниматься Данилов и квартальный. В звоннице было темно, только гул набата, ударяясь о каменные стены, стал гуще, казалось, сверху бросали камни.

– А что, если и в самом деле бес завелся в околотке? – беспокойно закрестился квартальный.

Набат вдруг стих, и сверху раздался крик.

– Эй, кто там? – закричал квартальный.

– Здесь бес, ваше благородие. Тут он! – отозвался будочник. – Держу!

– Давай вниз!

– Да он и сам идет!

По лестнице раздались шаги, и в полумрак притвора спустились двое. Данилов взглянул в лицо монашенки и заорал от радости:

– Николай Никитич, да вы ли это?

Демидов поморщился и нехотя отозвался:

– Не видишь, что ли, грехи замаливал!

Управитель и квартальный бережно усадили Николеньку в карету и покатали. Рядом с ним поместили Филатку.

– Ты его упустил, ты его и стереги! – пригрозил управитель.

Николенька и не думал бежать. Ехал он молча, хмурился. Дьячок вертелся, пыхтел, никак не мог угомониться. Распирало любопытство.

– Ну чего юлой вертишься? – сердито спросил Демидов. – Или блох нахватал в трактире?

Филатка пытливо посмотрел в лицо Николеньки и лукаво спросил:

– Скажи, батюшка, по совести, выгорело ли задуманное?

– Вот о том и горюю, что шуму много, а дела ни на грош! – с обидой отозвался он и отвалился в угол кареты.

Дьячок укоризненно покачал головой:

– Эх, батюшка, ну и простак ты по всем статьям! Где это видано: в курятнике побывать и вернуться без пушинки в зубах! А хлопот, хлопот сколько, и все зря... Э-хе-хе, промазали, господин мой хороший!

7

Вернувшись домой, Николенька нашел на столе большой синий пакет. Он поспешно вскрыл его и прочел предписание немедленно явиться на прием к светлейшему князю Потемкину. Демидов изрядно струсил.

«Ну, будет головомойка за озорство в женской обители!» – со страхом подумал он. Всем был известен необузданный нрав светлейшего. Особенно опасно было попасть под руку разгневанного всесильного вельможи. Николеньке оставалось одно – покориться участи. Он тщательно натянул новенькие лосины, надел в талию сшитый мундир и долго, внимательно разглядывал себя в зеркало. Подле него вертелся Данилов. Он чутьем догадывался о тревоге Николеньки, а самого в это время подмывала радость.

«Вот когда остепенится! Григорий Александрович прижмет хвост, не посмотрит, что демидовский корень!» – утешал себя управитель.

С важным, степенным видом он проводил гвардии сержанта до кареты. Стоя на ступеньке крыльца, Данилов с особым упоением прокричал кучеру:

– Гони к светлейшему.

На сей раз выезд обошелся без дядьки. Огорченный Филатка псом вертелся подле управителя, умильно заглядывая ему в глаза:

– Как там он обойдется без меня, Павел Данилович? Глядишь, и присоветовал бы Николаю Никитичу, какое словцо к месту сказать, направил бы его на добрую стезю.

– Ну, это и без тебя светлейший похлеще сделает!. Непременно пустит по прямой стезе! – насмешливо сказал управитель. – Ты вот что, лучше подале от меня уходи, а то сердце мое кипит. Сам тебе стезю покажу!

Пугливо озираясь, дьячок юркнул в прохладную прихожую. Данилов сладко зевнул и торопливо перекрестил рот:

– Помоги, Господи, избавиться от суеты и беспокойств!..

Между тем Николенька подъехал к дворцу. С трепетом он вступил в разубранные чертоги князя. В приемной, устланной пушистыми коврами, сверкающей залами, золоченой мебелью, толпилось много одетых в парадную форму генералов, важных, в атласных камзолах вельмож. Все они разговаривали вполголоса, с плохо скрываемым беспокойством поглядывая на высокую, изукрашенную бронзой дверь. Никто из них не обратил внимания на скромного сержанта, пробравшегося в угол.

В приемную торопливо вышел адъютант, краснощекий гвардеец; его мгновенно окружили.

– Светлейший в духе? – приглушенным голосом, косясь на дверь, спросил толстоносый генерал. – Опять хандрит? Ах, боже мой, когда нам солнышко блеснет!

Адъютант поднял голову и торжественно объявил:

– Светлейший изволит сейчас выйти!

В ту же минуту два арапа бесшумно распахнули дверь. Из анфилады раззолоченных покоев величественно, медленно приближался знакомый гигант в лиловом, шитом золотом мундире, усыпанном звездами. Говорок сразу стих, и установилась глубокая тишина. Николенька услышал учащенные удары своего сердца. Грузные шаги раздались совсем близко. Все в приемной склонилось в глубоком, почтительном поклоне и с замиранием сердца ждали.

С холодным, строгим лицом, никого не замечая, Потемкин вышел на середину зала. Неуловимый трепет прошел среди ожидающих. Николенька стоял в тени, за спинами вельмож, чувствуя, что у него от страха холодеют руки. Каким маленьким и незаметным показался он себе в эту минуту! Разве до него сейчас князю среди такого блистательного общества?

Светлейший остановил свое единственное око на молоденьком адъютанте, улыбнулся чему-то и вдруг громко сказал:

– Гвардии сержанта Демидова сюда!

Все вздрогнули, удивленно взглянули на юнца с темным пушком на губе. Давно ли он носит форму, а между тем... Потемкин равнодушно повернулся ко всем спиной и, тяжело ступая, пошел в апартаменты. Адъютант предложил Демидову следовать за князем.

«Теперь пропал!» – твердо решил Николенька и безмолвно пошел за Потемкиным.

Бледный сержант проследовал за князем через ряд роскошных покоев. Потемкин безмолвствовал, и это еще больше усиливало тревогу Демидова.

Войдя в диванную, князь присел на широкую софу, поднял на сержанта свой взор. В глубоком глазу циклопа вдруг вспыхнул веселый смех.

– Ну что, сибирский плут, наблудил в обители? – улыбнулся Потемкин, и крупное красивое лицо его подобрело.

– Был грех! – сознался Демидов.

– А скажи, любезный, о чем ты сейчас думал? – улыбаясь, спросил князь.

– А я ни о чем не думал. Со страху умирал, следуя за вами! – чистосердечно признался Николенька.

– Страшен я, что ли? – построжав, спросил Потемкин.

– Совсем другое, ваше сиятельство, – осмелев, пояснил сержант. – Страшно стало, что больше не увижу вас. Прогоните за озорство! А то – страшнее смерти!

– Ну, брат, молодец! – вставая с дивана, сказал Потемкин. – За монашку прощаю. Быль молодцу не укор. Только о сей черной курочке не выходило звонить на весь Санкт-Петербург! Экое кукареку задал, братец!

– Винюсь! – склонил голову Николенька.

– Повинную голову и меч не сечет! Поздравляю, братец, тебя своим адъютантом. Собирайся в путь, а пока поспеши в полк, непременно отдай последний визит командиру...

Радость брызнула из глаз Николеньки, он схватил руку князя и жадно поцеловал ее.

– На всю жизнь обязан вам! – восторженно воскликнул он.

Потемкин улыбнулся и сказал:

– Не думай, что избран ты по капризу! Ради рода твоего сие сотворил. Демидовы – народ крепкий, упорный – дубы! А такие мне на службе нужны. Прощай!..

Николенька откланялся и сияющий выбежал из покоев. Все кинулись к нему с распробами, но он, отмахиваясь, бросил скороговоркой:

– Извините, спешу, послан светлейшим...

Он вихрем пронесся через приемную, галопом проскочил ступеньки крыльца и, влетев в карету, закричал кучеру:

– Гони в лейб-гвардии Семеновский полк!

Стоило Демидову явиться туда и поведать о своем назначении, как командир обнял его и расцеловал.

– Желаю, господин сержант, удачи! Светлейший умен, деятелен, и вам, господин адъютант, улыбнулась фортуна.

Он учтиво проводил Николеньку до приемной...

Не чуя под собой ног, Демидов бросился к Свистунову. Сонный денщик подал гостю наспех написанную цидулку.

«Демидов, – писал поручик, – извини, не буду дома два дня. Веду фортеции к новой твердыне. Дама черненькая, с пухлой губкой, одно слово – прелесть!»

«А Грушенька? – подумал Николенька и тут же махнул рукой. – Для этой свой брат цыган дороже гвардейца!»

У подъезда Демидову встретились знакомые однополчане, которых невзлюбил Свистунов. Завитые, раздушенные, затянутые в корсеты, они выглядели изысканно. Гвардейские аксельбанты и галуны горели жаром.

– Демидов, пойдем с нами! Наслышаны о твоей фортуне! Попал в случай! – залебезили они перед ним. – Идем, идем, брат! Испытай счастье на зеленом поле.

Они увлекли сержанта в собрание. Демидов не успел опомниться, как очутился за карточным столом. Кругом в клубах дыма ходили офицеры, многие из них, любопытствуя, стояли за креслами у зеленых столиков. Николенька скользнул взглядом по лицу банкомета. Бледнолицый, с тяжелым взглядом свинцовых глаз, он стал быстро метать. Мало смысливший в игре, Николенька внимательно следил за картами. Он высыпал все золото на стол и стал ждать.

А ждать долго не пришлось.

– Ваша бита, сударь! – сухо отрезал банкOMET.

Демидов улыбнулся неудаче, отделил пять червонцев.

– Погодите, придет фортуна и ко мне! – пригрозил он. – Валет на пё!

Но и в другой раз его ставка была бита. Николеньку охватил азарт.

«Не может того быть, чтобы все время проигрыш!» – подумал он и поставил на все.

Банкомет тщательно перетасовал карты и стал метать.

– И эта, сударь, бита! – ухмыляясь, сказал он.

У Николеньки на лбу выступил холодный пот. Просто не верилось, что в полчаса весь кошелек опустошили.

– Ну что ж, будем играть еще, сударь? – спросил партнер и поощряюще улыбнулся Демидову. – Право, получилось неудобно: впервые встретились, и вы проигрались...

На лице сержанта вспыхнул румянец. Преодолевая смущение, он признался:

– Все червонцы вышли, господа. Не знаю, как и быть.

– Демидов, душа! – вскочил партнер и вкрадчиво предложил: – Мы тебе под офицерское слово верим. Пожалуй в долг! На мелок!

«Отыграюсь! Непременно отыграюсь!» – решил Николенька и согласился:

– Давай в долг!..

Банкомет сбросил карты.

– На сколько?

Николенька решил на все. Но только он произнес крупную сумму, как сморщился, словно от зубной боли.

– Бита!

Руки Демидова задрожали. Он взглянул на грудку червонцев и мелок, которым партнер быстро нанес пятерку с четырьмя нулями.

– Пятьдесят тысяч! Не может того быть!

В отчаянии, больше не владея собою, он чужим голосом выкрикнул:

– Не пятьдесят, сударь!

– Пожалуйте, сержант! – скрипучим голосом отозвался банкOMET, быстро стасовал карты и выкинул три.

Николенька открыл свои.

– Вам сегодня не везет, сударь. Надо прекратить игру. Сто тысяч за вами! – Он смешал карты, небрежно сгреб червонцы и сухо поклонился Демидову. – Когда прикажете, сударь, прибыть за долгом в контору?

Только сейчас дошло до сознания Николеньки, какую опрометчивость он совершил. Смертельная бледность покрыла его лицо. Он встал, ухватился за край стола.

– Так скоро! А если... если я сейчас стеснен? – пробормотал он.

– Уговор дороже денег, сударь. Карточные долги для офицерской чести обязательны...

Загремели стулья.

– Я, может быть, отыграюсь, господа! – вскричал в отчаянии Николенька.

– Нет, господин сержант, с вами хватит. Да и ваш управитель Данилов вряд ли уплатит!

Итак, до завтра! – Офицеры небрежно раскланялись и вышли из зала.

Николенька, с покривившимися губами, готовый заплакать, огляделся. Кругом с сочувствием глядели на него, но молчали.

– Господа, как же это?

– Господин сержант, вы сами допустили промах! – пожалел его седоусый капитан. – Теперь извольте расплачиваться.

«Да они ободрали, ограбили меня!» – хотел закричать Демидов, но промолчал и, пошатываясь, пошел к выходу.

– Не пойман за руку, не вор! – негромко вслед сказал капитан. – Напрасно, сударь, связывались с фанфаронщиками.

Николенька не помнил, как в прихожей ему набросили на плечи плащ и он вышел к карете. Обезумевший, он помчался прямо в контору.

– Данилов! – закричал он с порога. – Со мной беда!

– Выходит, их сиятельство Потемкин за озорство ваше рассердились? – радуясь в душе, спросил управитель.

– Никак нет! Пожалован адъютантом! – вспыхнул Николенька и вдруг со всей отчетливостью представил себе беду.

– Так нешто это плохо? Дозвольте, господин, поздравить вас со столь высоким назначением. Батюшка обрадуются!

– Не в этом дело! – бросаясь на стул, отчаянно выкрикнул молодой Демидов. – Я сто тысяч только что проиграл!

Жирное лицо Данилова выразило крайнее изумление.

– Да где же вы столько денег взяли?

– Я в долг играл! – с горечью выпалил Николенька. – Понимаешь, в долг!

– Как это можно в долг, Николай Никитич? Денежки-то батюшкины, а вы руку в них запускаете. Негоже-с!

Лицо управителя побагровело. Тяжело дыша, он полез в карман, вытащил клетчатый платок и отер блестящую от пота лысину.

– Ах, господин, что вы натворили!! Однако...

Он схватился за большой выпуклый лоб, задумался.

– Разумею я так, карточный долг не подобает платить! – после глубокого раздумья сказал он. – Во-первых, вы, господин, совершенное дитя, во-вторых, расписки не давали!

– А честное слово офицера? – с негодованием перебил его Николенька. – Плати, Данилов!

– Не буду, господин! Шутка ли? – Управитель мешком опустил в кресло. – Не буду...

Ох, господи, беда!

– Плати, Данилов! – стоял на своем Николенька. – А не то хуже будет! Я горшую беду тебе учиню... Знаешь, что в таких случаях офицер повинен над собой сделать, коли не в силах выполнить долг чести?

У Данилова от страха отвисла нижняя челюсть, глаза расширились. С нескрываемым ужасом глядел он на Демидова.

– Да что вы, Николай Никитич! Меня тогда ваш батюшка батогами засечет! Помилуй господа, пронеси несчастье великое!..

Он опустил голову и задумался.

«Подумать только, этикие деньги – и придется платить. И кому? Шаромыжникам, шулерам! Ай-яй-яй...»

8

В Нижний Тагил пришло неожиданное сообщение от управляющего Санкт-Петербургской конторой Данилова, в котором он осторожно доносил хозяину о похождениях наследника. Словно почуяв неладное, Селезень долго мял пакет в руках, рассматривая его на свет, раздумывал, отдать или не отдавать его сегодня Никите Акинфиевичу. Наконец, решившись, осторожно покашливая, он вошел в кабинет хозяина. Демидов сидел перед громоздким дубовым столом. Погрузившись в глубокое мягкое кресло, он утомленно опустил голову и полудремал. Жирные сизые щеки его отвисли, а под глазами темнели отеки. Прикрывая ладошкой рот, Селезень покашлял громче. Никита Акинфиевич поднял усталые глаза.

– С чем явился, старик? – недовольно спросил он.

– Пакет, батюшка, из Санкт-Петербурга с оказией прислан. Должно быть, весточка от Николая Никитича, – протянул синий конверт приказчик.

Демидов жадно схватил пакет, вскрыл его и обеспокоенно забегал глазами по строкам. Лицо Никиты мгновенно налилось багровостью, судорожным движением он скомкал письмо и бросил в угол.

– Подлец! Разоритель! – страшным голосом закричал он. – Отец и деды великим усердием наживали каждую копейку, а он в одночасье спустил петербургским фанфароникам сто тысяч! Погоди ж!

Никита Акинфиевич сердито сорвался с кресла, вскинул над головой большие кулаки и, весь закипая злобой, пригрозил:

– Наследства лишу, беспутный, коли не умеешь беречь отцовское добро! Ты! – прикрикнул он на Селезню. – Беги за попом, пусть духовную перепишет... Вырастили разорителя! Мот! Картежник!..

Он хотел еще что-то выкрикнуть в палящей злобе, но вдруг схватился за сердце, обмяк и грохнулся на пол.

«Господи! – в страхе подумал Селезень. – Второй удар!»

– Батюшка мой! – заголосил он и кинулся к хозяину, схватил тяжелое тело под руки, но, внезапно ставшее громоздким и безвольным, оно выскользнуло на пол.

Приказчик присел рядом и заглянул в лицо хозяина. Полуостекленевшие глаза Демидова поразили Селезню, его сознания коснулась страшная догадка:

«Батюшки, никак, хозяин отходит!»

Из глаз приказчика выкатились скупые слезы. Он выпрямился, взглянул на образа и трижды истово перекрестился:

– Господи, Господи, прости и помоги нам!

В эту минуту Селезню стало жаль не столько хозяина, сколько себя.

«Вот и прошла жизнь, а сколько было суетни и беспокойств. Отлетели радости!» – огорченно подумал он. Ноги старого приказчика отяжелели. Шаркая ими, он вышел в людскую и оповестил:

– Сбегайте за управителем Любимовым. Хозяину дурно!

Прибежали Любимов, лекарь, дворовые люди, уложили тяжелое тело Никиты Акинфиевича на широкий диван. Демидов лежал без движения, у него отнялся язык. Медленно, в безмолвии проходил день, и, по мере того как угасал он, угасал и старый Демидов. К вечеру Никиты Акинфиевича не стало. Пушки оповестили о том Тагильский завод, а над барским домом взвился траурный флаг.

Похоронили Никиту Акинфиевича с великой пышностью. Еще задолго до своей смерти Никита Акинфиевич возвел на кладбище Введенскую церковь. Это каменное сооружение было построено выписанным итальянцем во вкусе эпохи Возрождения. Иноземный художник расписал своды и купол фресками. Лепные украшения делали крепостные мастера... В этой церкви, в склепе, и нашел свой вечный покой Никита Акинфиевич, последний из Демидовых, который сам управлял и доглядывал за уральскими заводами.

После него осталось девять заводов с деревнями и вотчинами, в которых числилось 9209 душ крепостных. Государыня утвердила вскрытое демидовское завещание, по которому все богатства поступали во владение сына заводчика Николая Никитича. Так как он был весьма неопытен в делах управления имениями, то над ним была назначена опека во главе со статс-секретарем императрицы Александром Васильевичем Храповицким, а фактическим управителем уральских заводов остался Любимов, который по-прежнему сохранял старые демидовские порядки.

Ничто не изменилось в судьбе приписных, только в хозяйских хоромах поубавилось дворовой челяди, часть которой управитель приставил на рудокопную работу. И совсем без дела остались двое: высохшая англичанка Джесси и старый приказчик Селезень.

Мисс долго сиротливо бродила по пустынным демидовским покоям, вспоминая своего питомца Николеньку. Всеми забытая, она обратилась к управителю завода за пособием, но тот отказал ей в помощи, не возражая против отбытия англичанки из Нижнего Тагила.

– Пусть убирается с богом! Кабы моя воля, по-иному бы решил!

Селезень бережно уложил тощий чемоданчик мисс Джесси в тряскую тележку, усадил ее на охапку сена и отправил в дальнюю путь-дорогу.

– Отслужились мы с тобой, милая! Одры стали! – сочувственно напутствовал англичанку отставной приказчик. – Скажи спасибо, что из наших палестин отпустили. У Демидовых такой обычай: ни своих, ни иноземцев из вотчин не отпускать. Тут изробился, тут и кости донашивай! Но воли покойного Никиты Акинфиевича не переступишь: в завещании указал отпустить тебя, сударушка. Ну, трогай! – ощеря зубы, крикнул он вознице и отвернулся...

Спустя неделю и сам Селезень покинул Нижнетагильский завод. Все свое незатейливое имущество он собрал в котомку, взял посох и ушел в обитель.

– Побито, награблено, обижено людей – не счастье! Пора у Бога прощение вымаливать, – примирение сказал он и, ссутулившись, тихой походкой странника на зорьке ушел по пыльной дороге из демидовского гнезда, где столько было пережито и перечувствовано...

Глава четвертая

1

Николай Никитич не долго скорбел по бабушке. Легкомысленный по своему характеру, он быстро забыл горе и увлекся своим новым положением. Демидовский наследник бегал по обширному дедовскому дому и ко всему присматривался. «Все это теперь мое! Все мое!» – восторженно думал он.

Ему казалось, что он теперь властелин всего. Управляющий санкт-петербургской конторой Павел Данилов стал весьма почителен и быстр на повороты, но, однако, не все позволял молодому наследнику. Многие после смерти бабушки было немедленно опечатано и ждало приказа опекунов. Когда Николай Никитич в своем любопытстве тронул замок одного чугунного шкафа, Данилов встревоженно схватил его за руку.

– Бабушка милый, сюда нельзя до поры до времени заходить! – почтительно остановил он гвардейца.

– Как нельзя! – удивился Демидов. – Да я же хозяин!

– Это верно, что вы, господин мой, ныне хозяин, но пока еще хозяин не в полной силе! – мягким голосом сказал Данилов и лукаво прищуренными глазами посмотрел на Николая Никитича.

– То есть как это – не в полной силе? – обидчиво выкрикнул Демидов.

– Над вами пока опека, господин мой! От нее и ваши расходы зависеть будут! – отечески ласково пояснил управляющий.

– Вот как! – разочарованно вырвалось у гвардейца. – А если я, скажем, задумаю в этот ящик забраться, что тогда?

Данилов развел руками.

– Этого никак невозможно, бабушка! Слом печати и вскрытие шкафа почтется за воровство! – пояснил он.

– А что здесь хранится? – Демидов испытующе посмотрел на старика.

– Хранятся тут редкие драгоценности вашей покойной матушки.

– Бриллианты? – засиял Николай Никитич. – Когда же я смогу ими воспользоваться?

– Завещано Александрой Евтихиевной передать сие богатство, драгоценные камни и жемчуг, вашей супруге, когда Господь Бог наградит вас ею! – терпеливо рассказывал управляющий.

Николай Никитич помрачнел. Сразу все стало как-то буднично, серо. Он дружелюбно посмотрел на управляющего и с сожалением вымолвил:

– Вялая душа у тебя, Данилов! Жить теперь хочется, а ты все в долгий ящик откладываешь!

– Потерпите годочки! Да и денежки-капиталы не на потехи оставлены вам, а на усиление заводов! О них вам завещаны заботы!

Тоска и злоба распирали грудь демидовского наследника. Одним махом он опрокинул бы этого скупого слугу, но тот, крепкий и медлительно-внушительный, был упрям и опасен. Каждую копейку приходилось выжимать у него со скандалом. Готовясь к отъезду в Яссы, Николай Никитич не щадил ни управляющего, ни дворовых. Он загонял их своими поручениями. И как ни бесился Павел Данилов, Демидов щедрой рукой рассыпал деньги на покупки, связанные с предстоящим путешествием. Были приобретены и отменная лисья шуба, и драгоценные меха, сукна и бархат, аксельбанты и темляки, табакерка, усыпанная бриллиантами, и «походный домик», штабная кухня и походная конюшня, и людская палатка, и фуры, и кибитки, и

верховая арабская лошадь с турецким седлом, и дорогие конские уборы. Все дни на демидовском дворе каретники ремонтировали экипажи, кузнецы ковали коней, шорники украшали упряжь. В конюшни нагнали целый табун коней, купленных на окрестных ярмарках. В приемной Демидова с утра до ночи толклись и шумели бородатые купцы-гостинодворцы, вертлявые комиссионеры, черномазые цыгане-барышники и неизвестные ветхие старушки, предлагавшие свои секретные услуги. Николай Никитич всех гнал прочь, посылал к Данилову.

Озабоченный управляющий вставал с первыми петухами, обегал конюшни, мастерские, проверял контору. То и дело слышался его зычный недовольный голос, ругающий работников, или раздавались плаксивые жалобы на дороговизну вещей...

В одно июльское утро, потный и разгоряченный, он вбежал в комнату Демидова. Лицо у него было самое несчастное, горемычное. Он размахивал руками и жадно ловил раскрытым ртом воздух.

– Батюшка дорогой, что вы с добром делаете? Каким шаромыжникам вы векселя надавали? – визгливым голосом заголосил он. – Смотрите, как разошлись! За все путное и непутное истратили на дорогу восемь тысяч восемьсот пятьдесят девять рублей, как одну копейку. К тому же расходы по дому да по конторе! К тому же за труды опекунству! А где же их взять?.. Ах ты, господи!

Он тяжело вздохнул, стащил с потной головы парик и отер лысину пестрым платком.

– Батюшка! – продолжал он жаловаться. – Где же нам столько денег взять?

– А заводы на что? – изумленно спросил Демидов.

– Заводы, мой господин, железо и чугун дают, а не деньги! – сердито ответил Данилов. – Заводам самим капиталы до зарезу нужны! Не могу больше я отпускать на расходы! Все!..

– Да ты сдурел, кошачьи глаза! – вспыхнул Демидов. – Да я тебя самого на червонцы порежу. Достань да выложь!

– Убейте меня, батюшка! Все одно – сразу конец! – взмолился управляющий.

– Ну и выжига ты, Данилов! – сердито крикнул Демидов, поспешно обрядился в новенький мундир, схватил кивер, саблю и выбежал из покоев.

Легкой походкой, словно молодой резвый конек, играя каждым мускулом, гвардеец сбегал с крыльца, забрался в карету и возбужденно крикнул:

– Пади!

Сидевший на козлах Филатка толкнул кучера в бок.

– Гляди, как ноне мы размахнулись. Все нам нипочем, море по колено! Заиграл Демидов! Филатка с умилением оглянулся на Демидова и одобрительно покрутил головой.

– Вот коли наша взяла, Николай Никитич! Ну и заживем! Ух и заживем!

Николай Никитич думал о другом. В приемной светлейшего он встретил очаровательную особу. Она была стройна, изящна, с большими темными глазами. Когда адъютант своей легкой походкой, вздрагивая бедрами, прошел мимо нее, она подняла длинные ресницы и обожгла его взглядом. Сердце Демидова сладко защемило.

«Кто же эта прелестница?» – взволнованно подумал он.

Адъютант прошел в покои светлейшего. Густая тишина стыла в обширных залах: светлейший отбыл во дворец. За громадными окнами потемнело, набежали тучки, и сразу померкло сияние яркого солнечного дня. Демидов прошелся по безмолвным апартаментам князя и вернулся в приемную. Звякнув шпорами, он молодецкато оповестил на всю приемную:

– Светлейший отбыл к Ее Императорскому Величеству.

Он тщательно и веско выговаривал каждое слово, следя за смуглой пышной красавицей.

– Ах, боже мой! – всплеснула она руками. – Что же мне делать? К тому же, кажется, пошел дождь! – Продолговатые, осененные пушистыми ресницами выразительные глаза умоляюще смотрели на гвардейца. Верхняя пухлая губа капризно полуоткрылась, и ослепительно блеснули белые мелкие зубы.

Николай Никитич решительно подошел к незнакомке, шелкнул шпорами и учтиво поклонился:

– Сударыня, разрешите предложить вам мою карету!

– Галант! Ах, как я благодарна вам, господин адъютант! – восторженно отозвалась она и, не колеблясь, подала ему руку. Демидов вспыхнул от нежного женского прикосновения.

Она прильнула к нему, красноречиво взглянула в глаза юнца. Ей, видимо, по сердцу пришелся краснощекий гвардеец с темным пушком на губе. Белые лосины плотно обтягивали его полные ноги, грудь он держал горделиво. Всем своим вызывающим видом молоденький адъютант весьма напоминал бойкого забяку-петушка. Счастливая юность, неизрасходованные силы переполняли его, он так легко и свободно чувствовал свое сильное и свежее тело, что его вовсе не обременял парадный мундир.

Незнакомка окинула его опытным взором и осталась довольна беглым осмотром.

«Потешный мальчуган!» – удовлетворительно подумала она.

Прелестница хорошо знала, кто этот юный адъютант, но детски наивным взглядом удивленно смотрела ему в глаза.

– С кем имею честь беседовать? – жеманясь, спросила она.

– Я Демидов! Слышали о таком? – с важностью своего возраста сказал он, усаживая ее в карету.

– О! Но вы совсем мальчик! – восторженно прошептала она, и ее рот округлился приятным колечком.

– Далеко не мальчик. Я владелец многих заводов на Урале!

– Вот как! Интересно! – голос ее прозвучал интимно-нежно. Она слегка пожала ему руку.

Волнуясь, путаясь в мыслях, он косноязычно пробормотал несколько комплиментов. Она засмеялась ласковым приятным смехом; казалось, рядом прозвучали серебряные колокольчики.

– Вы совсем ребенок и не умеете интриговать дам! Но это очаровательно! – ободрила она гвардейца и, не смущаясь, склонила головку к нему на плечо.

У Демидова сперло дыхание. Как в тумане, он где-то далеко слышал насмешливый вкрадчивый голос.

– Я не ребенок, а независимый человек! – обиделся гвардеец.

– Ух, какой сердитый! – наклоняясь к нему, прошептала она.

Демидов осмелел и, словно бросаясь в бездну, потянулся к ней. Она проворно ускользнула из его рук. Приложив тонкий пальчик к губам, она таинственно прошептала:

– О, поцелуй невозможен...

Косые сильные струи хлестали в окно кареты. На улицах быстро темнело. Кони пронеслись по Невскому проспекту и свернули на Садовую.

– Теперь скоро! – тихо обронила она и откинула головку на спинку сиденья. Слегка прижмуренные глаза были неподвижно устремлены вперед.

– Я пойду с вами! – решительно предложил Демидов. – Я должен вам рассказать!

– О, это не нужно! Страшно! – округляя темные глаза, прошептала прелестница.

Свет мелькнувшего за окном кареты фонаря на мгновение озарил ее лицо, маленькую руку в серой тонкой перчатке, державшую у рта надушенный платок.

Гвардеец быстро наклонился и заглянул в глубину женских влекущих глаз. Синие шальные огоньки сверкнули в них.

«Теперь или никогда!» – решил Демидов и, загораясь страстью, схватил ее в объятия, сжал до боли в груди и стал осыпать поцелуями лицо, шею, руки. Она безвольно откинулась на спинку кареты и укоризненно шептала:

– Только не здесь, мой мальчик! Только не здесь! Ваш слуга может увидеть, и тогда узнает свет!..

– Ах, что мне свет! – отчаянно отмахнулся адъютант. – Никто и ничего не узнает!

В последний раз кони цокнули подковами, кучер разом осадил пару, и карета остановилась. Незнакомка оттолкнула гвардейца, изумленно разглядывая его.

– Так вот вы какой! Сильный, смелый и решительный! Мальчик!..

И вдруг, наклонясь, быстро и неуловимо поцеловала Демидова в губы.

– Приезжай завтра! Буду одна! – прошептала она и, словно летучая мышь, бесшумно выпорхнула из кареты и скрылась в мокром осеннем мраке.

Адъютант взволнованно старался проникнуть взглядом во тьму. На улице было безлюдно, с хлопанием выхлестывали струи из водосточных труб, дождь все усиливался.

На дне кареты что-то белело. Он наклонился и схватил оброненный платочек. Тонкий запах духов исходил от батиста. Демидов прижал к губам платочек, и опьяняющее очарование любви охватило все его существо.

«Ну да, я ее любовник! Как же иначе? Теперь я, как и все великосветские люди, имею очаровательную веселую любовницу! – самодовольно подумал юнец и усмехнулся. – Всего только в десяти шагах спит, как сурок, ее муж. Интересно посмотреть на его лицо в эту минуту! Каков рогоносец!»

– Куда ехать, барин? – окрикнул кучер, вернув его к действительности.

– Живее домой! – приказал Демидов, сам не понимая, почему он заторопился в дедовский особняк.

2

Отослав кучера, Демидов тихой тенью скользнул в подъезд, сам открыл дверь и без света, в потемках, прошел в свою половину. Утомленный переживаниями, он устало опустился в глубокое кресло. В ушах все еще слышался ее мелодичный смех. Демидов зажег свечу и задумался. В комнатах огромного дома было тихо и безмолвно. Филатка ушел в город, а слуги спали. Где-то под полом заскреблись мыши, подчеркивая тишину. На свече заблестели горячие капельки растопленного воска. Демидов протянул руку к свече, глаза его вспыхнули мрачной решимостью.

«Да, да, ей нужен подарок! Надо показать, кто такие Демидовы!» – с бесшабашностью юности подумал он и отрезал кусок воска. Он долго мял его в руках. Податливый и теплый воск был послушен. «Вот, вот именно так», – прошептал он, погасил свечу и впотьмах выбрался из комнаты.

Гвардеец безмолвно обошел старинные покои. Скрипнул раз-другой высохший паркет. Снова заскреблись мыши. Тайные тихие звуки внезапно возникали и быстро гасли. В темноте все казалось необычным и загадочным. Демидов бесшумно пробрался в комнату, в которой стоял знакомый чугунный шкаф. Он нащупал его в темноте и, огладив холодный металл, приложил мягкий воск к замочной скважине.

«Что я делаю? – испуганно спросил он вдруг свою совесть. Однако преступный соблазн победил нерешительность. – Я покажу тебе, какой я мальчик! Демидов хозяин всему здесь, и ты завтра убедишься в этом!» – пригрозил он мысленно Данилову.

С отпечатком замка в руке он вернулся в комнаты, переоделся и воровски выбрался на осеннюю улицу. Дождь продолжал хлестать, жалобно гудели ржавые трубы, и в оголенных деревьях бесприютно шумел ветер. Демидов на все махнул рукой: под ливнем, в грязь он прошел Мойку, вышел на Вознесенский проспект и долго кружил, отыскивая Мещанскую улицу, на которой жили немецкие кустари...

Наконец он отыскал подвал с ржавой вывеской, сошел по ступенькам и стал стучать в дверь. Стучал долго, настойчиво, а дождь все лил и лил ему на плечи.

– Откройте! Откройте! – упорно зывал гвардеец.

В оконце мелькнул робкий огонек, и встревоженный голос за дверью испуганно спросил:
– Кто здесь? Что нужно?

– Открой! – властно предложил Демидов. – Не пугайся, к тебе стучит благородный человек.

– Добрый человек не ходит в такую ночь, – ломаным русским языком ответили из-за двери. Однако вслед за тем звякнули засовы, дверь полуоткрылась и в щель высунулось худенькое морщинистое лицо старичка немца в ночном колпаке. Завидя гвардейского офицера, стоявшего под ливнем, немец торопливо отступил.

– Что вам нужно, господин, в такую ночь? – обеспокоенно спросил он.

– Меня пригнало срочное дело! – отозвался Демидов, уверенно вошел в мастерскую и закрыл за собою дверь. С брезгливостью оглядел он темное убогое помещение с низкими сводами. У стола стояла испуганная бледная женщина. В углу за пологом копошились разбуженные стуком ребята. Демидов без приглашения присел к столу.

– Чем могу служить господину офицеру? – с тревогой спросил немец.

Демидов встал, подошел к двери, проверил, закрыта ли она, и, убедившись в этом, положил перед мастером застывший воск.

– Мне нужно срочно сделать ключ. У меня утерян от денежного ящика, – сказал он.

Немец испуганно переглянулся с женщиной. Она отвела глаза в сторону, нахмурилась. Мастер долго молчал.

– Что же ты молчишь? – нетерпеливо спросил Демидов. – Я тороплюсь, мне нужны деньги!

– Может быть, господин офицер, вы слишком торопитесь? – тихо обронил немец. – Может быть, ключ не от вашего ящика?.. В карты можно проиграть и казенное...

– Не мели пустого! – вспыхнул гвардеец. – Разве ты не видишь, с кем имеешь дело?

– Господин офицер, сейчас дождь, а вы так торопитесь! – не сдавался немец.

– Говори дело и принимайся за работу! – хмуро предложил Демидов.

Немец взглянул на его злое, решительное лицо, пожал плечами и, взяв восковой отпечаток, засеменял к верстаку...

Адъютант не сводил настороженных глаз с неторопливых, но уверенных движений мастера. Тянулись минуты, Демидову казалось, что старик нарочно медлит, чего-то выжидает. Пламя в лампешке то меркло, то вспыхивало трепетным синим язычком. У гвардейца слипались глаза от усталости, и он уже задремал, когда тщедушный сухонький немец легонько толкнул его в плечо.

– Господин, работа исполнена! – Мастер робко протянул Демидову ключ и со слезами на глазах взмолился: – Бог мой, я честный немец. Господин, берите этот ключ и уходите скорее. Я не знаю, для чего он вам. Дай бог, чтобы не для худого дела. Пусть будет так: ни вы, ни я не видели друг друга!..

– Хорошо! – согласился Демидов. – Это и меня и вас устроит. Получай за труды! – Он полез в карман и небрежно выбросил оттуда золотой. – Прощай!

Он сам открыл дверь из подвала и вышел на улицу. Ветер разогнал тучи; дождь перестал лить. В просветах блестели холодные одинокие звезды...

Когда адъютант вернулся домой, в покоях по-прежнему царил полуночная тишина. Николай Никитич разулся и, крадучись по коридорам, добрался до заветного чугунного шкафа. Под его сильной рукой мигом отлетела сургучная печать. Он оборвал шнурок и ключом открыл шкаф. Вот она, заветная шкатулка с фамильными драгоценностями матери!

3

«Кто же, в конце концов, она?» – думал о прелестнице Демидов. Он просмотрел записи в приемной, но они ничего не сказали. Дежурный адъютант Энгельгардт, высокий, представительный офицер, понял беспокойство сослуживца. Он взял его под руку и увлек в угол, к дивану.

– Я догадываюсь, Демидов: вас интересует эта особа? – интимным тоном повел он разговор. – Эта прелестная дама выдает себя за польскую графиню. Мне думается, что это ложь!

– Кто же тогда она? – огорченно воскликнул Демидов.

– Тш-ш... Не волнуйтесь! – улыбнулся Энгельгардт. – Будьте терпеливы. Я кое-что узнал из верных источников. Сия прекрасная фанариотка⁴ – гречанка, она пятнадцати лет была рабыней у турецкого султана Абдул-Гамида. Как рабыню и купил ее посланник Боскан. Но случилось так, что Боскана внезапно отозвали в Варшаву. Он поехал туда и узнал, что его больше не отпустят в Константинополь. Тогда он послал в Турцию своего конюшего и поручил привезти известную вам особу с вещами и прислугой в Варшаву. Однако красавица была столь строптива и капризна, что в Яссах взбунтовалась и отказалась ехать дальше. Тогда Боскан приказал оставить ее в сем городе.

– Что же дальше? – взволнованно спросил Демидов.

– Чувствую, вы равнодушны к ней, – спокойно заметил Энгельгардт. – Однако умеете выслушать меня до конца. Наголодавшись в Яссах и не найдя предмета, достойного внимания, она сбежала на свой риск в Каменец. Там ее увидел комендант крепости, полковник де Витт, сразу пленился ею и сделал супругой...

– Это он и пребывает с ней в Санкт-Петербурге! – с горечью вымолвил Демидов.

– Э, нет! При ней неизвестное лицо, которое именуется польским графом и мужем сей особы!

– Так ли это? – недоверчиво спросил Демидов.

– Бабушка надвое сказала. Известно только, что она и от полковника сбежала, появилась в Варшаве, вскружила многим головы и очаровала принцессу Нассаускую. Сия принцесса повезла ее в Париж, где красота прекрасной фанариотки пленила многих... И вот она теперь здесь!

– Что же она тут ищет? – дрогнувшим голосом спросил Николай Никитич. – Она видела светлейшего? Понравилась ему?

– Нет, она еще не видела князя, не попала ему на глаза. Я не допустил ее. Боюсь...

– Неужели так страшно? – наивно спросил Демидов.

Энгельгардт, презрительно сжав губы, промолчал.

– Эта особа прибыла из Франции. А граф, видимо, вовсе не граф. На какие средства они живут? Что им в Санкт-Петербурге нужно? Положение главнокомандующего обязывает нас, Демидов... Вы поняли меня? – пылливо взглянул он на адъютанта.

– Догадываюсь! – упавшим голосом отозвался Николай Никитич.

В приемной на камине тикали часы. Демидов взглянул на стрелки и с потухшим видом поднялся. Смущенный, он уехал домой и весь день с тревогой бродил по комнатам. А когда над Петербургом опустилась ночь, Николай Никитич велел заложить карету и отправился на Садовую, к знакомому дому.

Сухая старуха, со строгим лицом, в белом чепце, открыла дверь и провела Демидова в уютную гостиную, стены которой были крыты розовым штофом. Взволнованный офицер вынул

⁴ Фанариотами в XVIII веке при французском и австрийском дворах называли греков, занимавших среди турецкой администрации высокие посты, независимо от их происхождения.

из-под плаща ларец и осторожно поставил на стол. Долго, очень долго он сидел в одиночестве. В глубокой тишине отчетливо стучало сердце. И вот, наконец, после томительного безмолвия за стеной послышался шорох, дверь бесшумно открылась, и в облаке белоснежных кружев появилась прекрасная фанариотка...

Взгляд прелестницы упал на черный ларец, и глаза ее мгновенно зажглись шаловливым огоньком. Адъютант перехватил ее взгляд и, весь красный, дрожащий от волнения, раскрыл ларец и вынул алмазное ожерелье. В ярком живительном потоке света брызнули синеватые искры, и драгоценные камни заиграли переливами радуги.

– Какая прелесть! – Очаровательными глазами гречанка впиалась в сверкающее ожерелье.

Демидов молча подошел к ней и бережно надел драгоценности на ее смуглую шею. На теплой коже самоцветы вспыхнули жарким огнем. Гречанка подбежала к зеркалу и, околдованная переливами красок, долго любовалась сказочными камнями. Охваченная восторгом, сияющая, она, как ребенок, радостно захлопала в ладоши:

– Смотри, смотри, как сияют!

Демидов подошел к ней, желая обнять, но прелестница протянула руку, и он покорно поцеловал ее. Жеманясь, она пригрозила ему:

– Больше ни-ни!

– Разве это вся награда? – разочарованно спросил он.

– Не сердись, мой мальчик! – ласково посмотрела она. – Нельзя!

Гвардеец вспыхнул и решительно двинулся к ней...

В этот миг распахнулась дверь, и на пороге появился низенький лысый человек в бархатном камзоле. Он почтительно поклонился Николаю Никитичу.

– Ах! – с фальшивым испугом вскрикнула прелестница. – Мой муж. Знакомьтесь!

Демидов холодно раскланялся и, недовольный, молча уселся в уголок. Она подошла к мужу.

– Займитесь гостем, граф! – прощепетала она и упорхнула из комнаты.

«Граф» уселся в кресло. Рассеянным взглядом он бродил по комнате, не нарушая молчания. Так, безмолвные и отчужденные, они просидели несколько минут и разошлись.

Чувствуя себя обманутым, Демидов, сбегая с лестницы, оскорбленно думал:

«Нагло надули! Опростоволосился! Так тебе и надо!»

Ему хотелось броситься обратно, схватить «графа» за воротник и тряхнуть. Но кто знает, кто там еще стоит за дверями? Боясь скандала, бичуя себя, он сошел к подъезду, уселся в карету и, разочарованный, поехал в Семеновский полк.

4

Предстояла разлука с Петербургом и друзьями. С прощальной попойки у Свистунова Николай Никитич вернулся на рассвете в дедовский особняк. В голове шумело, глаза застилала хмельная одурь.

Утро было прохладное, окрашенное в сиреневые цвета. Догорали последние звезды. Столица досыпала сладкий сон. На востоке в небе вспыхнули первые отблески поздней зари. Наступал тихий день.

Демидов выбрался из кареты и, пошатываясь, стал подниматься на крыльцо. Заспанный слуга, старик с лиловым носом и седой щетиной на щеках, в помятой ливрее распахнул дверь и обеспокоенно взглянул на хмельного хозяина. В доме шла суета. Николай Никитич пытливо посмотрел на слугу:

– Что случилось?

В живых умных глазах старика выразилось недовольство.

– Беда, барин! В дом забрался лиходей! – угрюмо пробурчал он и опустил голову.

– Что за лиходеи? – пошатываясь, спросил Демидов. Он толкнул слугу и торопливо поднялся в покои. В дальней комнате раздавались громкие голоса и ругань. Гвардеец подошел к знакомой горнице, в которой стоял чугунный шкаф, и распахнул дверь. На скамье, со связанными на спине руками, сидел Филатка, а с боков его стояли два полицейских будочника. За столом расположился усатый пристав и усердно писал. Растрепанный, без парика, лысый Данилов, завидя, обрадовался:

– Вот и сам барин!

– Батюшка! – слезно взвизгнул Филатка и повалился хозяину в ноги. – Батюшка, спаси и огради от сей нечести! – вопил он; у него из носа обильно сочилась сукровица.

– Ну, ну, ты, гляди! Двину! – угрожающе сжал кулаки Данилов. – Сумел грабить, изволь по совести и ответ держать!

– Грабителя нашли во мне, окаянные! Батюшка, Николай Никитич, скажи им, балбесам, что невиновен я. Век у Демидовых жил, и ни одной пушинки не пристало! – не унимался Филатка.

– Молчи, вору! – выкрикнул управитель конторы и показал на чугунный шкаф. – Оглядел и вижу, – печатка долой. И ни шкатулки, ни самоцветов!

– Дело ясное, господин! – откашливаясь, встал из-за стола полицейский пристав и, не сводя глаз с Демидова, отрапортовал: – Доказуемо! Сей плут найден хмельным в комнате. Несомненно, он в шкафу хозяйничал. Драгоценности, господин, растаяли, яко дым! Кто в сем виноват? Ясно, сей пьянчуга и хват!

– Слышали? – со слезами выкрикнул дьячок. – Ни ухом ни слухом не ведаю. Одна беда, хмельным забрел в горницу и проспал тут. А кто и что, не ведаю. Батюшка, прикажи освободить. Избавь от позора!

Демидову стало жалко истерзанного дядьку. Худенькое острое лицо Филатки, с косыми глазками, просяще уставилось на хозяина. Однако Николай Никитич строго и надменно сказал:

– Не понимаю, кто же тогда вор?

Всегда веселый и легкомысленный, хозяин показался дьячку вдруг грубым и злым.

– Уж не ты ли, Данилов, похитил шкатулку? Да, кстати, ведь и ключи у тебя хранятся! – с легкой усмешкой продолжал Демидов.

Глаза Данилова испуганно забегали, он торопливо перекрестился.

– Что вы, господин! Убей меня бог! Да разве ж я смею царскую печать ломать? Да разве ж я хоть на крошку хозяйского добра позарился?

Пристав грубо-наставническим тоном перебил:

– Господа, не будем спорить! Вопрос ясен. Вот вор, берите его! – приказал он будочникам.

– Кормилец, батюшка, не дай на поругание и погибель! – снова заголосил Филатка.

Демидов с холодно-брезгливым лицом оттолкнул его.

– Поди прочь! Не пристало мне, столбовому дворянину, покрывать татей!

Он повернулся и пошел прочь. Филатка внезапно выпрямился, дернулся, веревки впились в тело. Глаза его налились жгучей ненавистью.

– Худая душа! Кровососы! Сами грабят, а других чернят. Стой, стой! – прокричал он вслед Николаю Никитичу, отбиваясь от побоев будочников. – Все равно не смолчу я. Невиновен, истин бог, невиновен! Братцы, за что же бьете! Братцы!

Он упал и забился в припадке.

Демидов угрюмо прошел в свои комнаты, свалился в кресло и, протягивая ноги, выкрикнул камердинеру:

– Разоблачай! Сон валит!

Он сладко зевнул, потянулся. В душе его не проснулось ни чувства сожаления, ни справедливости. В очищение своей совести он хмуρο про себя рассудил:

«Неужели мне самому срамиться из-за ларца? Дьячку и каторга впору, а столбовому дворянину – не с руки! Да и кто поверит холопу?..»

– Эй, ты, окаянный, не сопи! – прикрикнул он на камердинера. – Живей раздевай!

Из-за деревьев, раскачивавшихся за окном, брызнул скупой солнечный луч. Слуга, старательно и осторожно раздевая барина, подумал:

«Все люди как люди! А наш трутень ночь кобелем бегаёт, а днем при солнышке дрыхнет...»

В последний день пребывания в Санкт-Петербурге Демидов снова неожиданно встретил прелестницу. Она сходила по широкой лестнице вниз. Поймав его обиженный взгляд, она на мгновение задержалась и прошептала:

– Ради всего святого, не сердитесь! Мы не можем встречаться... князь и муж... Могут быть неприятности... Пожалейте меня и себя... Ах, какая сегодня чудесная погода!

С невозмутимым видом она улыбнулась и унеслась, как пушистое, легкое облачко.

«Авантюристка!» – зло подумал Демидов, но все же ему стало жаль расставаться с нею.

В приемной его встретил Энгельгардт. Он сидел, опустив голову на ладони, задумчивый и печальный.

– О чем закручинились? – окликнул его Николай Никитич.

– Ах, Демидов, беда! Сия авантюристка добралась-таки до светлейшего, и теперь он без ума от прелестницы. Поостерегитесь, милый!

– А я и не думал вступать с нею в связь! – стараясь сохранить спокойствие, сказал адъютант.

– Ну вот и чудесно! Теперь я спокоен за вас. Я так и знал, что вы благоразумный офицер! – Он с горячностью схватил руку Демидова и крепко пожал ее.

5

Демидовский обоз приготовился к отправке. На обширном дворе громоздились фуры, экипажи, ржали кони – шла обычная суета перед дальней дорогой. Управитель Данилов обошел и самолично пересмотрел все: ощупал бабки коней, проверил подковы, узлы, ящики. Все было в порядке. Подле него ходил новый дядька, приставленный к молодому потемкинскому адъютанту. Рядом с Даниловым дядька Орелка казался богатырем с широкой грудью, с большими цепкими руками. С виду холоп походил на безгрешную душу: тихий, молчаливый, с невинным простодушным взглядом. Но кто он был на самом деле, трудно сказать. Орелка вел трезвую жизнь и старательно избегал женщин. Это и понравилось Данилову. Испытывая нового дядьку, управитель с лукавым умыслом укорил его:

– Гляжу на тебя, мужик ты приметный. Бабы, как мухи на мед, липнут. Отчего гонишь их прочь?

– Баба – бес! Во всяком подлом деле непременно ищи бабу! – потемнев, отрезал Орелка.

– Это ты верно! – согласился Данилов. – Но ты, мил друг, помни, что в человеке дьявол силен. Ой, как силен! – прищурился Данилов с удовольствием оглядел могучую, сильную фигуру Орелки.

– Так что же, что силен дьявол! Умей свою кровь угомонить! Ты, Павел Данилович, про женский род мне не говори! Знаю.

В жизни Орелки многое казалось темным управителю санкт-петербургской демидовской конторы. Признался Орелка в том, что он беглый, а откуда и почему сбежал – один Бог знает. Догадывался Данилов, что не от добра сбежал барский холоп к Демидовым и что непременно в этом деле замешана женщина. То, что Орелка сторонился женщин, понравилось управителю. «Стойкий перед соблазном человек, убережет и хозяина своего от блуда!» – рассудил Данилов и посоветовал дядьке:

– Смотри, береги демидовского наследника, тщишься о его здоровье, а баб от него гони в три шеи! Гони, родимый!

Скупой и прижимистый Данилов не пожалел хозяйского добра: он обрядил Орелку в новый кафтан, выдал крепкие сапоги и наградил чистым бельем.

– В баню почаще ходи! Чист и опрятен за барином доглядывай. Помни, что он есть адъютант самого светлейшего!

– Не извольте беспокоиться, Павел Данилович! – пообещал слуга.

Он и в самом деле оказался чисто плотным и рачительным слугой. Орелка пересмотрел гардероб хозяина, вытряс, вычислил одежду и бережно уложил в сундуки.

Демидову он понравился своей статностью и силой.

– Песни поешь? – с улыбкой спросил его адъютант.

– Пою! Только про горе больше пою! – признался Орелка.

– Почему про горе? – любопытствовал хозяин.

– Известно почему, – нехотя отозвался дядька. – Земля наша большая, всего, кажется, человеку вдоволь, а между людей – разливанное горе! Отчего так, господин?

– Не твое дело о сем рассуждать! Будешь так думать, спятишь с ума! – недовольно сказал Демидов.

Орелка ничего не ответил, смолчал. Стоял он, покорно склонив голову, а глаза его были спокойны. Угодливость холопа понравилась Демидову. Понравилось и то, что дядька как-то незаметно вошел в его жизнь. Казалось, он век служил Демидовым. Все у него ладилось и спорилось, и приятно было смотреть, как Орелка без суеты, молчаливо готовил хозяина в дорогу.

Быстро подошел день отъезда. На заре запрягли коней в большие фуры и ждали отправки. Ночью выпал первый чистый снежок, и на деревьях блестело тонкое нежное кружево инея. Голубые искорки сыпались с прихваченных морозом веток. Луна неторопливо катилась над сонным городом, бледный круг светился золотым сиянием.

В этот тихий утренний час в распахнутые ворота вошла молодая монашка. Хлопотавший у подвод Данилов сразу узнал ее. Со злым, хмурым видом он подошел к черничке.

– Ты зачем здесь? Кто звал тебя? Орелка, гони отсель черную галку! – закричал он холопу.

Из-за возов степенно вышел Орелка. Он приблизился к монашке, встретился с нею глазами и растерялся.

– Кто ты? – смущенно спросил он.

– Аленушка! – спокойно ответила девушка. – Не гони меня!

– Ты, девка, лучше уходи отсюда! – насупив брови, глухо сказал Орелка, а у самого на сердце разлилось тепло. «Глаза-то какие синие! Ох, господи, грех-то!» – ласково подумал он, переминаясь перед ней и не зная, что же делать.

– Гони ее, гони! – не унимался Данилов. – Эй ты, пошла, пошла со двора! – толкнул он девушку в спину.

Аленушка спокойно взглянула на управителя, глаза ее потемнели.

– Не трожь! Не к тебе пришла и не с тобою разговор буду вести!

Монашка неторопливо прошла в глубь двора и уселась на бревнышке.

– Не для того явилась, чтобы уходить! – решительно сказала она, а глаза ее затуманились слезой. – Бессердечные, куда гоните!

Орелка смущенно опустил голову. Данилов сердито запыхтел и сказал с укором холопу:

– Ну чего болваном перед бабой стоишь! Гони прочь! Сам только что сказывал, баба – нечистая сила! Блудницы!

Но Орелка, однако, не двинулся с места. Что-то привлекательное, чистое было в этой девушке. Холоп по-своему угадал причину появления Аленушки. «Господин обманул! Вот

грех!» – подумал он, и ему сердечно стало жаль девушку. Боясь выдать свои чувства, он сурово сказал монашке:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.